
Asror Nazirov

Asror Nazirov

Печать из чёрного воска

«Автор»
2026

Nazirov A.

Печать из чёрного воска / A. Nazirov — «Автор», 2026

Король Леопольд умер, и в его завещании оказалось то, чего он не мог написать. Власть получил регент, а юная наследница стала пленницей в собственном дворце.Аделина Эйхенвальд — младший архивариус и дочь канцлера, казнённого за измену. У неё есть дар, о котором никто не знает: она различает правду и ложь по запаху. Ей хватает одного вдоха, чтобы понять, что королевская печать на завещании поддельная: она пахнет мёдом и сажей, а должна пахнуть грозой.Чтобы доказать подлог, Аделине придётся бежать из столицы с вором, ссыльной травницей и командором тайной стражи. Этот командор должен её арестовать, и ему она не доверяет. Их путь лежит через перевалы, тюрьмы и чужие тайны к суду в главном соборе королевства.Но чем ближе разгадка, тем яснее одно: первое имя в списке заговорщиков — имя её отца.

© Nazirov A., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. Воск 6
Глава 1. Запах подлога 6
Глава 2. «Золотой сом» 10
Глава 3. Река под мостом 13
Глава 4. Резчик с Золотой улицы 16
Глава 5. Крыши Эльсмера 18
Глава 6. Исповедь епископа 19
Глава 7. Последнее слово отца 23
Глава 8. Пепельный шкаф 26
Глава 9. Дама в синем 28
Глава 10. Убийца в сером 30
Часть вторая. Бегство 33
Глава 11. Воровские тропы 33
Глава 12. Письмо из пепла 39
Конец ознакомительного фрагмента. 43

Asror Nazirov
Печать из чёрного воска

Печать из чёрного воска
Хроники Серебряной Короны
Книга первая

Часть первая. Воск

Глава 1. Запах подлога

Зал Печатей в Эльсмере пах воском, пылью и холодным камнем. Аделина Эйхенвальд любила этот запах с детства, хотя теперь, в двадцать четыре года, знала о нём больше, чем хотела бы.

Пчелиный воск пах мёдом и дымом. Королевский красный воск, тот, что варили в монастыре Трёх Свечей, пах смолой и лёгкой горечью. Чёрный воск, которым скрепляли только последние воли монархов, пах так, как не пах ничто другое: старым железом, сухой лавандой и чем-то неуловимым, похожим на память о грозе.

В это утро она не пользовалась ни одним из этих знаний. Она переписывала опись.

— Эйхенвальд, вы опять смотрите в окно, — сказала Оттилия Брандт, не поднимая головы от стола.

— Я смотрю на колокольню, госпожа Брандт. Там звонят уже третий раз.

— По королю звонят до заката. Привыкайте.

Король Леопольд Третий умер позавчера ночью, и весь город с тех пор жил в гулком, пепельном беззвучии, которое нарушали только колокола. Лавки закрылись. На мостах горели жёлтые фонари. Над Сольвеном, который делил Эльсмер на сорок островов и сорок один мост, висел тонкий туман, и Аделине казалось, что город кутается в него, как в траурный платок.

Она вернулась к описи. Перо скрипело. Во дворе кто-то уронил ведро, и звон долго тянулся по каменным стенам.

Зал Печатей занимал весь нижний ярус западной башни королевского дворца. Здесь хранились оттиски, матрицы и образцы воска всех грамот, выданных Короной за триста лет. Работали в нём одиннадцать человек, и никто из них не любил разговоров. Аделина была младшей. Ей доверяли переписывать, сверять и носить тяжёлые ящики. Именно поэтому она знала Зал лучше, чем все остальные.

Отца её, канцлера Рихарда Эйхенвальда, казнили четыре года назад. Обвинили в сношениях с Хауреном. Нашли письма, нашли печать. Аделину не тронули. Оттилия Брандт, которая когда-то учила её отца, сказала на суде одно слово: «Девочка нужна Архиву», и этого оказалось достаточно. Её лишили имени в списках дворцовых слуг и оставили в подвале переписывать чужие бумаги.

Она не жаловалась. Она ждала.

Чего именно, она не смогла бы объяснить. Просто в тот день, когда отца увезли, она дала себе слово, что однажды выяснит, как письма, которых он не писал, оказались написаны его рукой.

— Эйхенвальд.

— Да, госпожа Брандт.

— Вас зовут в Малую палату. Сам лорд-канцлер прислал за вами.

Аделина подняла голову. Лорд-канцлер Маттиас Кроне, сменивший на посту её отца, ни разу за четыре года не произнёс её имени.

— Меня?

— Вас. Возьмите ключи от нижнего хранилища. Он хочет, чтобы вы принесли завещание.

Оттилия говорила спокойно, но Аделина заметила, как побелели костяшки пальцев, сжимавших перо.

* * *

Нижнее хранилище находилось на девяносто семь ступеней под землёй. Аделина считала их всегда, с первого дня. Сегодня она сбилась на восьмидесятой, потому что внизу, у железной двери, горела не одна лампа, а две.

Возле двери стоял человек в сером плаще.

Серые Плащи не появлялись в Архиве. Это была тайная стража короны, о которой говорили шёпотом и которую никто не видел при свете дня. Но этот человек стоял в самом свете. Он был высок, широк в плечах, без шапки; тёмные волосы падали на лоб, и в одной руке он держал не оружие, а свёрнутый лист бумаги.

— Госпожа Эйхенвальд, — сказал он. Голос у него оказался ровный, низкий и очень усталый. — Меня зовут Каспар фон Рейн. Мне велено сопровождать вас.

— Я не нуждаюсь в сопровождении. Хранилище в моём ведении.

— Это не ваше решение и не моё.

Она подняла глаза. У него были серые глаза, внимательные и ничего не обещающие, как у человека, привыкшего слушать больше, чем говорить. Он ни разу не улыбнулся и не отвёл взгляда.

Аделина открыла дверь.

В хранилище было холодно, как в погребе. Здесь лежали самые драгоценные вещи Короны: договоры, государственные завещания, чёрные грамоты. Каждый ящик закрывался на два замка. Ключ от одного хранила она, от другого лорд-канцлер.

Она подошла к ящику с последней волей короля. Леопольд подписал её месяц назад, в присутствии трёх свидетелей, при закрытых дверях. Грамоту запечатали чёрным воском в тот же день. Аделина знала это, потому что подавала в тот вечер воск.

Она отперла ящик и достала свиток.

И почувствовала запах.

Печать на свитке была чёрной, гладкой, безупречной. На ней стоял оттиск короны и трёх свечей. Всё как положено. Но пахла она не грозой. Она пахла мёдом, дымом и лёгкой смолой. Так пахнет обычный воск, смешанный с сажей.

Это была подделка.

Аделина не пошевелилась. Она почувствовала на себе взгляд Каспара фон Рейна и заставила своё лицо оставаться спокойным. Отец учил её этому. «Если ты нашла ложь, — говорил он когда-то, — не показывай, что нашла. Лжец следит за твоими глазами».

— Что-то не так? — спросил командор.

— Ничего. Просто холодно.

Он помолчал. Потом тихо сказал:

— Вы плохо лжёте, госпожа Эйхенвальд.

Она встретила его взгляд.

— А вы плохо делаете вид, что не знаете, о чём речь.

Углы его губ едва заметно дрогнули. Это не было улыбкой, но было чем-то близким к ней.

— Несите завещание, — сказал он. — Нас ждут.

* * *

Малая палата была залита светом сотен свечей. За длинным столом сидели члены Совета: лорд-казначей, епископ, два генерала, посол Тиренны в чёрном бархате. Во главе стола сидел высокий седой мужчина с лицом, будто вырезанным из слоновой кости, и рука его лежала на подлокотнике так спокойно, словно он владел всем, что видел.

Герцог Гюнтер Ашборн, дядя покойного короля.

Рядом с ним, на узком стуле, сидела принцесса Матильда. Ей исполнилось семнадцать этой весной. Она была бледна и очень прямо держала спину; в её руках дрожал платок, но лицо оставалось неподвижным. Аделина вдруг подумала, что это лицо она уже видела: так же держался её отец в день ареста.

— Госпожа Эйхенвальд, — сказал лорд-канцлер Кроне, толстый, мягкий человек с влажными ладонями. — Передайте грамоту её высочеству.

— Грамота должна быть зачитана при свидетелях и вскрыта в присутствии хранителя печатей, — ответила Аделина. — Таков закон.

В палате стало тихо.

— Вы и есть хранитель, — произнёс герцог Ашборн. Голос его был мягким, почти ласковым. — Хранитель при Малом Зале, как мне сказали. Старшая архивистка занята. Вскрывайте, дитя.

Она посмотрела на печать, которая пахла сажей и мёдом.

Сказать вслух? Здесь, при всех? Ей хватило одного взгляда на лицо Кроне, чтобы понять: он знает. А герцог улыбался так, будто ждал, что она скажет.

Если она назовёт подлог, её объявят лгуньей и дочерью изменника, которая мстит Короне. Если промолчит, завещание будет прочитано, и она станет соучастницей.

Ей нужно было время.

— Воск холодный, — сказала она тихо. — Он треснет при вскрытии. Прошу минуту, чтобы согреть ножом.

— Разумеется, — кивнул Ашборн.

Она достала из рукава тонкий нож, подержала лезвие над свечой и осторожно подвела под печать. Руки её не дрожали. Только сердце билось где-то в горле.

Печать отошла чисто. На обороте, в слое воска, прижатом к бумаге, она увидела то, чего не заметил бы никто, кроме неё: след старого оттиска. Под чёрным слоем лежал красный.

Кто-то снял настоящую печать и положил поверх неё поддельную.

Значит, где-то есть оригинал.

Она развернула свиток и передала его принцессе. Матильда взяла бумагу, и их пальцы на миг соприкоснулись. Принцесса посмотрела на неё. В этом взгляде было столько немого вопроса, что Аделина едва не вздрогнула. Она чуть заметно качнула головой: «Не верьте».

Матильда опустила глаза.

Лорд-канцлер зачитал грамоту. Она была короткой. Регентство до совершеннолетия наследницы вверялось герцогу Гюнтеру Ашборну, с правом единоличного решения по вопросам войны, казны и суда.

Все молчали. Потом посол Тиренны первым склонил голову.

* * *

Когда церемония закончилась, было уже темно. Аделина шла по коридору с пустыми руками, потому что грамоту у неё забрали. Ноги были ватными. В голове стучало одно: «Где оригинал?»

— Госпожа Эйхенвальд.

Она обернулась. Каспар фон Рейн стоял в нише у окна, и фонарь за стеклом бросал на его лицо длинную тень.

— Вы что-то нашли, — сказал он негромко. — Не отрицайте. Когда вы разворачивали печать, ваши плечи опустились на полвздоха. Так опускаются у человека, который понял, что его худшие догадки верны.

— Вы следили за мной.

— Мне приказали. Но смотрел я не по приказу.

Она сжала губы.

— Что вам нужно, командор?

— Правда, — просто сказал он. — Я не люблю, когда мне лгут. Тем более когда лгут от имени короля, которому я присягал.

Аделина долго молчала. В коридоре гулко пробили часы. Где-то за стеной тихо плакала женщина.

— Если вы скажете мне хоть слово, — наконец произнесла она, — меня убьют. Вас, возможно, тоже.

— Знаю.

— И вы всё равно спрашиваете?

Он шагнул ближе. От него пахло дождём и холодным железом.

— Я спрашиваю потому, что мой брат погиб за эту корону, — сказал он. — И я хочу знать, за что.

Аделина смотрела в его серые глаза и думала о том, как легко ошибиться, поверив человеку. Отец поверил многим.

Но Каспар не просил её верить. Он просто стоял и ждал.

— Завтра на рассвете, — прошептала она. — Мост Лилий. Трактир «Золотой сом». Придёте один.

— Приду.

— И командор… — она задержалась. — Если вы предадите меня, я сделаю так, чтобы вы пожалели.

— Не сомневаюсь, — серьёзно ответил он.

Она ушла, не оглядываясь. И только на лестнице, в гулкой темноте, поняла, что весь последний час держала в кулаке ключ от нижнего хранилища, и ключ оставил на ладони красный след.

Глава 2. «Золотой сом»

Мост Лилий был самым старым из сорока одного. Его построили при деде нынешнего королевского рода, когда в Эльсмере ещё жили одни рыбаки, и на каменных быках до сих пор сохранились кольца, к которым привязывали лодки. Теперь на мосту стояли дома. Они лепились друг к другу, как ласточкины гнёзда, и над рекой нависали их деревянные галереи, увешанные сетями, бельём и клетками с певчими птицами.

Трактир «Золотой сом» помещался в самом сердце моста. Над дверью качалась вывеска с рыбой, давно утратившей позолоту. Аделина пришла задолго до рассвета, когда фонари ещё горели, а туман висел так плотно, что собственная рука казалась чужой.

Хозяйка, Эльза Фогель, женщина лет пятидесяти с красными руками и неожиданно мягким голосом, уже растапливала печь. Она подняла голову, увидела гостью и не удивилась.

— Рано, девочка. Или поздно. Не разберёшь.

— Мне нужен стол в углу, тётушка Эльза. И никаких вопросов.

— Вопросов у меня нет. Есть только горячий хлеб и кружка. — Эльза вытерла руки о фартук. — Ты дочь Рихарда?

Аделина замерла.

— Я видела твоего отца, когда он ещё был молодым писарем и сидел за этим самым столом, — сказала Эльза и поставила на стойку кружку. — Он пил здесь тёмное пиво и рисовал на салфетках гербы. Хороший был человек. Садись. Я никому не скажу.

Аделина села в угол, откуда были видны и дверь, и узкое окно на реку. Горячая кружка согрела пальцы. Она впервые за много часов позволила себе выдохнуть.

Она не спала. Всю ночь она лежала на узкой койке в каморке под лестницей и слушала, как гудят над городом колокола. Она думала о печати. О красном слое под чёрным. О том, что сделал бы отец.

Отец положил бы бумагу на стол и записал всё по порядку. Он всегда говорил: «Ложь начинается там, где кончается порядок».

Она достала из-за пазухи сложенный лист. Утром, пока никто не видел, она успела вернуться в Зал и сделать то, что было строжайше запрещено: сверить оттиск ложной печати с матрицей в каталоге. Результат был однозначным. Корона и свечи на завещании были выполнены с другой матрицы. С очень хорошей, почти точной, но другой. Левая свеча на подлинном оттиске имела крошечную трещинку, след давнего падения. На подделке трещинки не было.

Кто-то заказал матрицу. Значит, был мастер. Значит, были деньги. Значит, это готовилось заранее.

Дверь скрипнула.

Она не подняла головы, пока на стол не упала тень. Каспар фон Рейн был без плаща. Простая серая куртка, высокие сапоги, шляпа, надвинутая на глаза. Если бы Аделина не знала, кто он, она приняла бы его за возчика.

— Вы пришли один, — сказала она.

— Я же обещал.

— Вас никто не видел?

— Видел трактирщик, — спокойно ответил он. — И нищий на мосту, но он слепой.

Эльза принесла ему кружку и хлеб, взглянула на обоих и тихо ушла на кухню. Каспар сел напротив. Он двигался без лишнего шума, как человек, привыкший не привлекать внимания.

Аделина придвинула к нему лист.

— Смотрите.

— Что это?

— Оттиск настоящей печати из каталога и оттиск с завещания. Положите рядом. Видите свечу слева?

Он наклонился, и прядь волос упала на лоб. Она заметила шрам над бровью, тонкий, давний.

— Трещина, — сказал он наконец.

— Её нет на подделке. Печать на завещании не та. Её сделали заново, и очень хорошо сделали. Кроме того, воск. Настоящий чёрный воск варят из смолы горных елей, железной окалины и сушёной лаванды. Он пахнет грозой. Эта печать пахнет мёдом и сажей.

— Вы чувствуете запах воска.

— Я чувствую запахи лучше, чем другие. Мой отец тоже. Это не магия, командор, просто нос.

Он молчал долго.

— Значит, король не подписывал это завещание.

— Подписывал. Но другое. Тот, что лежал в ящике, подменили. Ту грамоту, которую я запечатывала лично месяц назад, кто-то вскрыл, заменил текст и поставил поддельную печать.

— Вы запечатывали?

— Подавала воск. Печать ставил сам король, при мне, при епископе Хольте и при казначее. Я стояла у стены. Я помню, как он сказал: «Пусть эта воля переживёт моего дядю».

Каспар поднял глаза.

— Дядю.

— Герцога Ашборна.

Они смотрели друг на друга через стол. Снаружи, за окном, туман начал розоветь.

— Это страшное обвинение, — произнёс он медленно. — Против регента. На основании запаха воска и трещинки на свече.

— Я знаю.

— Никто вам не поверит.

— Я знаю, — повторила она. — Потому мне нужен оригинал.

— Если он существует.

— Он существует. Такие вещи не уничтожают. Их прячут, пока не придёт время.

Каспар отодвинул кружку.

— Расскажите мне про вашего отца.

Она напряглась.

— Зачем?

— Затем, что его казнили по письмам, написанным его почерком. Вы только что показали мне, что в этом дворце умеют подделывать печати. Значит, умели и подделывать письма.

Аделина сжала пальцы на кружке.

— Я думала об этом четыре года.

— И что вы нашли?

— Ничего. Меня не подпускали к делу. Все бумаги ушли в закрытый архив. Но я помню, что его последнее письмо, то, которое якобы доказывало измену, было запечатано красным воском с отпечатком его личного перстня. А перстень в тот вечер лежал у меня. Он отдал его мне утром, перед тем как уйти на заседание. Сказал: «Береги». Вечером за ним пришли.

— Значит, письмо было запечатано не его перстнем.

— Значит, кто-то сделал копию.

Неожиданно Каспар усмехнулся. Это была короткая, невесёлая усмешка человека, который наконец нашёл нужный конец нити.

— Тот же мастер, — сказал он. — Или та же мастерская.

— Вы не знали?

— Я знал, что что-то не так, — признался он. — Мой брат Лейф служил в гарнизоне на хауренской границе. Накануне вашего отца казнили, и в тот же месяц Лейф написал мне странное письмо. Он писал, что получил приказ, который не имел смысла: отвести дозор от Серой Переправы. Через неделю хауренцы вошли в страну именно там. Погибло триста человек, и Лейф среди них.

— Приказ был подписан?

— Королевской печатью. Его принёс гонец. Мой брат не поверил, но повиновался.

Аделина почувствовала, как по спине пробежал холод.

— Это связано.

— Я думаю, да. Хауренцам кто-то подсказал, где открыть границу. А потом нашли виноватого. И им оказался канцлер, который слишком много знал.

Она долго смотрела на свои руки.

— Командор, — сказала она наконец. — Вы понимаете, что говорите? Вы называете измену не тем, кого казнили, а тем, кто правит.

— Понимаю. — Он встал. — Потому что я больше не хочу служить людям, которые убили моего брата, назвав это государственной необходимостью.

Дверь распахнулась.

В трактир, задыхаясь, вбежал мальчишка лет двенадцати, в рваной куртке, с лицом в саже. Он метнул взгляд на Аделину и выпалил:

— Вы Эйхенвальд?

Каспар шагнул вперёд, положив руку на нож.

— Кто тебя прислал?

— Лукас. — Мальчишка перевёл дух. — Он велел передать: за вами уже идут. Из дворца. Двенадцать человек. Бегите через рыбный рынок. И… — он поколебался. — Он сказал, что старая Брандт мертва.

Аделина почувствовала, как пол уходит из-под ног.

— Что?

— В Архиве нашли тело. Говорят, упала с лестницы. Лукас говорит, это не падение.

Эльза Фогель появилась из кухни с топором на плече.

— Задняя дверь, — коротко сказала она. — Лодка под мостом. Живо.

Аделина поднялась. В голове звенело. Оттилия. Единственный человек, который за четыре года не отвернулся от неё.

Каспар взял её за локоть.

— Идёмте. Потом будете горевать.

— Я знаю, — тихо сказала она и вытерла глаза тыльной стороной ладони. — Но я запомню.

Они бросились к задней двери. Позади, на мосту, уже грохотали сапоги.

Глава 3. Река под мостом

Лодка оказалась узкой, чёрной, пропахшей рыбой и дёгтем. Она покачивалась под самым настилом, привязанная к одному из быков, и когда Аделина прыгнула в неё, борт ушёл под воду на ладонь.

— Садитесь на дно, — шепнул Каспар. — Голову вниз.

Он отвязал верёвку, оттолкнулся веслом, и лодка бесшумно скользнула в сумрак под мостом. Над ними гремели шаги, звякала сталь, чей-то голос выкрикивал приказы. Доски над головой дрожали. С них сыпалась труха и падали в воду холодные капли.

Аделина прижалась щекой к мокрому дереву и считала удары собственного сердца. Один, два, три. Туман был плотным, как шерсть. Лодка скользила по течению без плеска, и на какое-то мгновение ей показалось, что они вовсе не двигаются, а мир просто плывёт мимо.

— Они в трактире, — прошептала она.

— Ненадолго. Эльза задержит их.

— Её могут убить.

— Могут. — Он не стал её утешать, и она была ему за это благодарна. — Но она знала, на что идёт.

Над головой кто-то тяжело топнул, и в щели между досками блеснул свет. Аделина перестала дышать. В этом свете Каспар поднял весло и неподвижно замер, как каменный. Свет медленно ушёл.

Только когда мост остался позади и туман разошёлся, открыв серую полоску неба, она позволила себе выпрямиться.

— Куда мы плывём?

— Не знаю. Это ваш город.

— Мой город, — горько повторила она. — Я не выходила из дворца дальше рынка уже четыре года.

Он посмотрел на неё внимательно.

— Тогда нам нужен кто-то, кто знает Эльсмер лучше вас.

— Лукас, — сказала она. — Тот, кто прислал мальчишку. Лукас Вайс. Он вор.

— Вор?

— Карманник и немного фальшивомонетчик, — призналась Аделина. — Я познакомилась с ним три года назад, когда он пытался вытащить из моей корзины рулон пергамента. Решил, что там серебро. Мы поспорили, он остался, и теперь иногда приносит мне новости с рынка.

— Новости.

— О ценах, о слухах, о том, кто кого видел. Он видит всё. Это очень полезно.

— Для архивистки.

— Для дочери человека, которого казнили за то, чего он не делал, — сказала она.

Каспар не ответил, только налёг на весло.

Они причалили у каменной лестницы, поросшей скользкой зелёной тиной, в узком переулке между двумя складами. Здесь пахло рыбой, мокрой пенькой и гнилыми яблоками. Над крышами светлело небо, и в окнах загорались первые свечи.

На нижней ступеньке сидел молодой человек лет двадцати двух, тощий, с рыжими вихрами, торчащими во все стороны, и жевал яблоко. Он смотрел на лодку так, будто ждал её с самого утра.

— Опоздали, — сказал он. — Я уже собирался идти без вас.

— Лукас, — выдохнула Аделина.

— Собственной персоной. И, как вижу, с гостем. — Он перевёл взгляд на Каспара и присвистнул. — Серый Плащ. Госпожа архивистка, вы теперь дружите со стражей?

— Он не со стражей.

— Разумеется. — Лукас откусил яблоко. — Он случайно оказался в лодке, случайно оказался с вами и случайно умеет грести так, будто делал это сто раз. Ладно. Мне всё равно. Лодки хватит, чтобы добраться до Рыбьего острова, а там я знаю дом.

— Что с Оттилией? — спросила Аделина.

Улыбка сползла с его лица. Он встал, выбросил огрызок в воду и сунул руки в карманы.

— Её нашли на лестнице между архивом и башней. Лежала внизу, с проломленной головой. Стражники говорят, оступилась. Но, госпожа Эйхенвальд, я видел её тело. У неё были связаны ленточкой запястья. Тонкой, шёлковой, как на подарках. Потом, когда её уносили, ленточку сняли.

Аделина закрыла глаза.

— Её пытали.

— Её допрашивали, — тихо сказал Каспар. — А потом сбросили, чтобы скрыть следы.

— Что она знала? — Аделина говорила скорее себе. — Она сказала на суде: «Девочка нужна Архиву». Она знала, что я что-то найду, ещё тогда. И вчера у неё побелели пальцы. Она боялась.

— Чего?

— Не знаю. Но хотела, чтобы я не ходила вниз.

Лукас переступил с ноги на ногу.

— Пойдёмте. Здесь нельзя стоять. Через четверть часа стража прочешет все лодки на Сольвене.

Он повёл их по переулкам так быстро, что Аделина едва успевала. Эльсмер просыпался: хлопали ставни, скрипели колёса, из пекарен тянуло тёплым хлебом. Но город был странно тих. На каждом углу стояли люди и вполголоса обсуждали что-то, и стоило им заметить троих путников, как разговор обрывался.

— Весь город знает, — сказал Лукас на ходу. — Король умер, регент объявлен, а вчера вечером зачитали указ: налог на соль поднимается вдвое. Говорят, на военные нужды.

— Какая война? — удивился Каспар. — Хаурен подписал мир два года назад.

— Это вы мне скажите, господин Серый. Вам виднее.

Каспар промолчал, но Аделина заметила, как напряглись его плечи.

Рыбий остров оказался клочком земли, застроенным домами с покосившимися крышами. Лукас привёл их к узкой двери в конце глухого переулка, постучал условным стуком, и дверь открыла старуха в чепце, с лицом, изрытым морщинами, как печёное яблоко.

— Опять гости, — проворчала она. — Лукас, я тебе не постоялый двор.

— Бабушка Гертруда, это мои друзья. Им нужна крыша на день.

— На день. А потом на неделю. Я тебя знаю.

Но дверь она всё-таки открыла.

Комната на втором этаже была тесной, с низким потолком и единственным окном, выходившим на двор, заваленный бочками. Аделина опустилась на лавку и только теперь поняла, как дрожат руки. Каспар сел у двери, не снимая шляпы, и положил нож на колено.

Лукас привалился к стене.

— Ну? Рассказывайте. С самого начала. И пожалуйста, без аристократической вежливости. Я вор, я привык к прямым словам.

Аделина рассказала. Про печать. Про запах. Про трещинку на свече. Про отца. Лукас слушал молча, ковыряя ногтем облупившуюся краску на подоконнике, и только раз перебил:

— Подождите. Вы говорите, что матрицу сделали заново?

— Да.

— А кто в Эльсмере может сделать матрицу королевской печати?

— Не знаю. Таких мастеров мало.

— Ровно трое, — сказал Лукас. — Я знаю, потому что один из них мой должник. Старый Вальтер Кроль, резчик с Золотой улицы. Второй давно умер. Третий, Ансельм Дрэйк, уехал в Тиренну два года назад, и никто не знает почему.

Каспар поднял голову.

— Два года назад. Это как раз накануне мира с Хауреном.

— А вы помните, что случилось сразу после? — тихо спросил Лукас. — Через месяц Вальтер Кроль заболел. Теперь не выходит из дома и никого не принимает. Говорят, он стал странным.

— Боится, — сказала Аделина.

— Или молчит за деньги. — Лукас пожал плечами. — Но мы можем выяснить.

Она посмотрела на него долгим взглядом.

— Лукас. Это опасно. Ты не обязан.

— Обязан, — спокойно ответил он. — Вы единственная в этом проклятом дворце, кто хоть раз заговорил со мной, как с человеком. Остальные только кричали «Держи вора».

Каспар посмотрел на него, потом на Аделину.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда план такой. Сегодня днём вы отдыхаете. Ночью идём к Кролю.

— Вы командуете? — приподнял бровь Лукас.

— Я предлагаю.

— Тогда ладно. — Лукас ухмыльнулся. — А то я уже подумал, что придётся вас убедить, что я главный.

Аделина впервые за сутки улыбнулась. Улыбка вышла маленькой, усталой, но настоящей.

Она легла на жёсткую лавку, закрыла глаза и услышала, как внизу бабушка Гертруда гремит кастрюлями и ворчит на кота. В этих простых звуках было что-то настолько живое, что у неё защипало в горле.

Оттилия мертва. Отец мёртв. Она осталась одна в чужом городе, с двумя незнакомцами, которым не следовало доверять.

Но засыпая, она думала не об этом. Она думала о запахе грозы. О чёрном воске. О том, что где-то в Эльсмере, под тысячью замков, спит настоящая последняя воля короля Леопольда. И что она найдёт её, чего бы это ни стоило.

Глава 4. Резчик с Золотой улицы

Золотая улица не оправдывала своёго имени. Золота здесь не было уже сто лет, а осталась только узкая щель между тёмными мастерскими, где пахло металлом, кислотой и углём. Резчики, чеканщики, печатники жили здесь столетиями, передавая ремесло от отца к сыну, как фамильный нож или проклятие.

Дом Вальтера Кроля стоял в самом конце, у глухой стены. Ставни были наглухо заколочены досками, на двери без какой-либо вывески висел тяжёлый замок. Когда наступила ночь, в окне наверху дрожал узкий луч свечи.

— Он не откроет, — сказал Лукас. — Ни мне, ни кому другому.

— Тогда постучим по-другому, — сказала Аделина и достала из рукава бумажный лист.

Она начертила на нём рисунок: оттиск печати с трещинкой на левой свече — и подсунула его под дверь. Вышло тихо, как дыхание. Через минуту наверху скрипнула доска, потом медленно, словно человек боялся сам себя, загремел засов.

Дверь открылась на цепочку. В щели блеснул глаз, воспалённый, в красных прожилках.

— Убирайтесь.

— Я дочь Рихарда Эйхенвальда, — сказала она. — Вы могли видеть его в детстве в этом квартале. Он заказывал у вас перстень на моё рождение.

Тишина была долгой. Потом цепочка звякнула, и дверь открылась шире.

Старик стоял на пороге, в сером фартуке, с седой бородой, которую давно не стригли. Лицо было измученным, глаза запали, а пальцы на дверной край дрожали мелкой безостановочной дрожью, как у человека, неделями не спавшего.

— Он вас любил, — сказал он хрипло. — Рихард. Приходил ко мне с корзиной яблок каждую осень. И спрашивал, как дела у резцов. Всегда спрашивал.

— Вальтер, — мягко сказала она. — Вы боитесь. Я вижу. Кто заказал матрицу?

Он молчал. За спиной старика в комнате горела единственная свеча, и в её свете блестели тысячи маленьких резцов, граверов, лезвий, всё висело на стенах так аккуратно, будто хозяин каждый вечер раскладывал их заново.

— Два года назад, — сказал Каспар, — вас наняли две других мастера. Кроме вас эту работу делают двое. Один мёртв, второй уехал. Почему не вы?

— Вы не понимаете. — Старик засмеялся, но смех перешёл в кашель. — Я не мастер печатей. Я резчик по кости. Делаю оттиски для перстней, не для королевства. Но тогда… — он сдался, — входите. Дверь не держите открытой.

В мастерской пахло дымом, коровьим клеем и старостью. На столе лежали недоделанные геммы и лупа в бронзовой оправе. Вальтер усадил их на два табурета, сам остался стоять, прижавшись спиной к двери.

— Я делал только часть, — сказал он. — Пришёл человек и заказал тонкую работу: три свечи, корона. Без ободка, без круга. Только фигура. Я не понял, что это. Пришлось бы догадаться, но деньги были такие, что я не стал.

— Кто пришёл?

— Не знаю имени. В перчатках, в плаще с глубоким капюшоном, голос тихий. Но у него была печать, — он потёр лоб тылью руки. — Печать городской стражи. Ронан Шварц, ваш начальник, подписывал эту бумагу. Она была пропуском. Пропуском в дворец для меня. Человек в капюшоне повёл меня в казначейскую часть, там была комната без окон, и я работал неделю. Спал там же.

Каспар поднялся.

— Шварц начальник городской стражи. Он был одним из тех, кто арестовывал Рихарда Эйхенвальда.

— Он и сейчас ведёт поиск, — выдавил Вальтер. — По всем мостам развешены приказы. Разыскивают женщину в сером платье с ключами на поясе. И офицера в сером плаще.

Лукас свистнул срезанным губами.

— Быстро.

— Я не знаю, кто над всем этим стоит, — сказал всё тот же старик, и голос его стал твёрдым. — Но скажу то, что знаю. Для неё, — он кивнул на Аделину. — Для Рихарда. Матрицу я сделал вторую, как и говорила бумага. Первую же точную копию — нет.

— Что вы имеете в виду?

— Я снял слепок. Для себя. — Он подошёл к старому комоду, открыл нижний ящик и достал плотный тканевый сверток. — Так я делаю всегда. С каждой важной работы оставляю себе оттиск в глине. На всякий случай. Если придут и скажут, что я слепил что-то не то, я покажу, что делал именно то.

Он развернул сверток. В нём лежал серый глиняный отливок, ровный, как монета, с маленькой короной и тремя свечами — и на левой свече, как и в той печати, которую видела Аделина, была крошечная трещинка. Тоньше волоса.

— Она была на матрице, которую я делал по чертёжу — сказал Вальтер. — Чертёж был снят с чего-то, что мне показали на один час, со сторожем под дверью. Настоящая печать была там, видел сам. Трещина была на настоящей печати, девочка. На настоящей, а не на поддельной. Я её снял, и я всё повторил.

Аделина поморщилась.

— Вы хотите сказать, что на той печати, которую вам показали, трещинка была…

— …на настоящей, — кивнул старик. — Значит, вторую матрицу делали с настоящего отпечатка, и тот, кто заказал, не знал, что она может повториться. Вы же знаете, как всё бывает. Трещины придумываются вторыми.

— Нет, — сказала Аделина и подняла глаза. — Не вторыми. Трещины придумываются, когда хотят, чтобы подделку нашли.

В комнате стало тихо.

— Кто-то хотел, чтобы мы нашли, — прошептала она. — Чтобы кто-нибудь увидел, что печать фальшивая. Чтобы подозрение упало на кого-то.

— На кого?

— На того, кто занимается печатями. На хранителя.

Каспар взял отливок и повернул в пальцах.

— Старая Брандт была хранителем. По закону. Она мёртва. Но вчера хранителем была вы.

— Вы хотите сказать, что меня ждут подставить.

— Я хочу сказать, что вас уже подставили, — тихо ответил он. — Просто вы ещё не знаете, в чём.

Внизу, на улице, залаяла собака. Потом ещё одна. И в тишине близко загремели сапоги.

— Задняя стена, — сказал Вальтер и сдвинул старый стеллаж. За ним оказался узкий лаз, ведущий на крышу соседнего склада. — Я прокладывал его для себя. Бегите. Не по улице.

— Вы с нами? — спросил Каспар.

— Я старый, — сказал резчик. — У меня есть одно умение: держать дверь, пока другие уходят. Идите.

Аделина хотела что-то сказать, но Лукас уже тянул её за рукав, и она нырнула в тёмный лаз, как в трубу. За спиной уже трещала дверь, и деревянный замок поддавался чьим-то плечу.

В последний миг она обернулась. Вальтер Кроль стоял на пороге мастерской, прижавшись плечом к дверному косяку, и смотрел не на дверь, а на неё. В его взгляде было не отчаяние. Была благодарность.

Потом дверь упала внутрь.

Глава 5. Крыши Эльсмера

Крыша склада оказалась скользкой от вечерней росы. Аделина вылезла на неё на коленях, цепляясь пальцами за старую черепицу, и только тогда посмотрела вниз. Улица была страшно далеко. По ней плыли факелы: четыре, пять, десять. Все шли к дому резчика.

— Не смотрите вниз, — сказал Лукас и потянул её за пояс. — Высоты боятся только те, кто на них смотрит.

— Ты уверен?

— Я вру. Пойдёмте.

Они побежали, пригибаясь к склону. Крыши были другою улицей, опрокинутой в небо: гребни кровель, дымовые трубы, ветряные флюгера, перекинутые между домами доски. Здесь жили голуби и кошки, и те, кто знал, куда ступать.

Лукас знал.

Он двигался по крышам так же лёгко, как по улице. Прыжок через щель между домами, перекат по мокрой черепице, скольжение по дымовой трубе. Он делал это без оглядки, только иногда оборачиваясь и подавая руку. Аделина ползла за ним и повторяла про себя: «Не смотри вниз. Не смотри вниз».

Каспар шёл последним. Он двигался менее грациозно, зато увереннее, как человек, привыкший бегать не от погони, а пред боём. На полпути он вдруг остановился и резко выдохнул.

— Говорили, не смотреть, — сказал он спокойно.

Аделина обернулась. Двое стражников вылезли на крышу соседнего дома, в двадцати шагах. Третий полз слева. Без факелов, в простых бурых куртках — и с арбалетами.

— Те, кто убивает, не кричат «держи вора», — тихо сказал Каспар. — Лукас, веди её на колокольню Трёх Свечей. Я задержу.

— Вы не выдержите троих.

— Я и не прошу вас меня ждать.

Он вытащил меч — не парадный, короткий клинок без украшений, с потёртой рукоятью. Клинок поймал обрывок лунного света и тут же спрятался в тени.

Аделина хотела возразить, но Лукас потянул её, и она побежала. Она не обернулась, но слышала за спиной лязг стали, грубый выкрик, глухой удар. Свист арбалетного болта прошёл в пальце от её лица.

— Не останавливайтесь!

Колокольня Трёх Свечей вытянулась впереди, тёмная и высокая, с тремя окнами, где горели погребальные свечи. Высокие двери были приоткрыты. Лукас нырнул внутрь, тянул за собой Аделину, и оба замерли в гулкой темноте, пахнувшей ладаном и старым камнем.

С крыши донёсся лязг. Потом тишина.

— Они ведь не зайдут сюда? — прошептала она.

— В храм? Те, кто убивает старух на лестницах? — Лукас скривил губы. — Зайдут. Но зайдут не сразу.

Внизу, под колокольней, в старой капелле мигал огонёк. Там кто-то молился. Аделина узнала этот голос раньше, чем разобрала слова: тихий, древний, как шуршание страниц.

Епископ Эдвин Хольт, королевский капеллан, свидетель подписания завещания, стоял на коленях перед алтарём и говорил в пустоту. Старый, сухой, с лицом, напоминающим пергамент.

Он не обернулся, но сказал тихо, чтобы только она услышала:

— Я ждал вас, дитя. Два дня я жду вас в этом храме. Разрешите от неё подойти.

Глава 6. Исповедь епископа

Епископ поднялся с колен медленно, опираясь на край алтаря, и Аделина вдруг увидела, как он стар. Ряса висела на нём, как на вешалке. Пальцы, сжимавшие чётки, были тонкими и прозрачными, будто вылепленными из того же воска, что горел перед образами.

— Вы ранены? — спросил он.

— Нет. Но командор фон Рейн остался на крыше. Их трое, ваше преосвященство. С арбалетами.

Хольт посмотрел на Лукаса, потом на дверь.

— Мальчик, — сказал он, — за алтарём есть лестница в звонницу. Поднимись на второй ярус и открой окно, что смотрит на запад. Если твой командор жив, он найдёт дорогу.

Лукас не стал спорить. Он исчез за алтарём так быстро, что пламя свечей даже не качнулось.

Епископ сел на скамью и жестом пригласил Аделину сесть рядом. Она осталась стоять.

— Вы сказали, что ждали меня.

— Ждал. — Он поднял на неё выцветшие голубые глаза. — В ночь, когда король подписал завещание, он велел мне запомнить одно. Если с ним что-то случится и грамоту прочтут не так, как он написал, я должен ждать того, кто это заметит. Он сказал: «Заметит тот, кто подавал воск. Девочка Эйхенвальдов. У неё нос её отца».

Аделина почувствовала, как у неё перехватило горло.

— Король знал?

— Король боялся. Это не одно и то же. — Хольт перебирал чётки, и сухие бусины тихо щёлкали. — Последние полгода он почти не спал. Ему казалось, что в его покоях кто-то бывает по ночам. Пропадали письма. Однажды он нашёл свою личную печать не в той шкатулке, где оставил. Он был болен, дитя, и многие думали, что болезнь съела его разум. Но я знаю, что разум его был ясен до последнего дня.

— Что было в настоящем завещании?

Епископ помолчал.

— Регентство вверялось не одному человеку. Совету из пяти. Принцесса Матильда входила в него с правом голоса с шестнадцати лет, а с восемнадцати становилась королевой без всякого регента. Герцог Ашборн в совет не входил. Более того, король лишал его командования Северной армией и права распоряжаться казной. Он писал об этом прямо. Я слышал, как он диктовал.

— Почему?

— Потому что знал, кто открыл Хаурену Серую Переправу четыре года назад.

Аделина медленно опустилась на скамью. Ноги отказались её держать.

— Значит, мой отец…

— Ваш отец нашёл доказательства, — тихо сказал Хольт. — И отнёс их королю. А на следующее утро в его кабинете нашли письма, которых он не писал. Король не смог его спасти. Совет был на стороне герцога, армия тоже. Леопольд подписал приговор, потому что иначе Ашборн взял бы трон силой ещё тогда. Он никогда себе этого не простил. Завещание было его покаянием.

Свечи трещали. Где-то наверху скрипнули ступени — это Лукас добрался до окна. Аделина смотрела на свои руки и не узнавала их.

Четыре года она думала, что король предал её отца. Что все предали. А оказалось, что король, умирая, оставил ей задание.

— Где оригинал? — спросила она.

— Я не знаю.

Она вскинула голову.

— Не знаете?

— Король отдал его на хранение одному человеку. Тому, кому верил больше, чем мне. — Епископ полез за пазуху и достал маленький, сложенный вчетверо листок, запечатанный простым серым воском. — Этот человек принёс мне вот это вчера, на рассвете. Сказал: «Если я не вернусь до вечера, отдайте Аделине». Она не вернулась.

Аделина взяла листок дрожащими пальцами. Почерк на нём был ей знаком лучше собственного. Ровные, чуть наклонённые буквы, какими пишут люди, сорок лет проведшие над описями.

«Девочка. Если ты читаешь это, значит, они пришли за мной раньше, чем я думала. Не плачь. Мы с тобой обе знали, что этот день настанет. Ищи в Пепельном шкафу. Третья полка снизу, за делами о пожарах. Ключ там, где твой отец оставил тебе своё последнее слово. Ты поймёшь. О.Б.»

Аделина прижала листок к губам. Бумага пахла пылью, чернилами и чуть-чуть лавандой, которую Оттилия держала в ящике стола от моли.

— Пепельный шкаф, — прошептала она. — Это в Архиве. Там хранят бумаги, которые признаны подлежащими сожжению, но ещё не сожжены. Туда никто не заглядывает.

— Значит, вам придётся вернуться во дворец, — сказал епископ.

— Значит, придётся.

Дверь храма содрогнулась от удара.

Хольт поднялся. Теперь в нём не было ничего от дряхлого старика.

— Это не Серые Плащи, — сказал он. — Серые Плащи не стучат. Это люди Шварца. Идите за мной.

Он подошёл к стене за кафедрой, нажал на один из резных цветков, и каменная плита отошла в сторону, открыв узкую лестницу вниз. Оттуда пахнуло холодом и сыростью.

— Крипта, — сказал он. — Там лежат короли. Никто из живых не спускается туда без моего слова. Ждите внизу. Я пришлю за вами мальчика.

— А вы?

— А я встречу гостей. — Он улыбнулся, впервые за весь разговор. — Мне семьдесят восемь лет, дитя. Я пережил трёх королей и двух регентов. Переживу и герцога.

Второй удар сотряс двери. Аделина шагнула на лестницу, и плита закрылась над её головой.

* * *

В крипте было темно, как в закрытой шкатулке. Она стояла на нижней ступени, вцепившись в холодную стену, и слушала. Сверху доносились голоса: требовательный мужской и ровный, спокойный голос епископа. Слов разобрать было нельзя. Потом шаги, много шагов. Потом тишина.

Она не знала, сколько простояла так. Минуту, час. Когда глаза привыкли к темноте, она различила слабое свечение впереди: в нише горела лампада перед статуей. Аделина пошла на свет.

Крипта оказалась длинной галереей с низким сводом. По обе стороны в нишах лежали каменные саркофаги, и на каждом застыла фигура: короли в коронах, королевы со сложенными руками, маленький принц с собакой у ног. Пахло камнем и временем. Лампада горела перед последней нишей, совсем новой, ещё не закрытой плитой.

Здесь ещё никого не положили. Но надпись уже выбили: «Леопольд III, король Ларвейна. Он любил свой народ больше, чем свою жизнь».

Аделина долго смотрела на эти слова.

— Вы могли бы сказать мне раньше, — тихо проговорила она в пустоту. — Хотя бы намекнуть. Я бы ждала с надеждой, а не с ненавистью.

Камень, конечно, не ответил.

За её спиной что-то упало, и она резко обернулась. В дальнем конце галереи, в том месте, откуда она пришла, по ступеням скатился человек. Тяжело, неловко, как мешок. Потом поднялся на одно колено.

— Не кричите, — хрипло сказал Каспар фон Рейн. — Это я.

Она бросилась к нему. В тусклом свете лампады его лицо было серым, а левая рука висела вдоль тела, и по рукаву куртки расползалось тёмное пятно.

— Вас ранили.

— Царапина.

— Царапины не текут так сильно.

— Значит, хорошая царапина. — Он попытался встать и пошатнулся. Она подхватила его под здоровую руку, и он навалился на неё всем весом, так что она едва устояла.

— Сколько их было?

— Трое. Теперь один. Он убежал за подмогой. — Каспар сжал зубы. — Мальчишка открыл мне окно. Хороший мальчишка. Епископ впустил меня в эту дыру, прежде чем выйти к страже. Тоже хороший человек. Мне сегодня везёт на хороших людей. Обычно бывает наоборот.

Она усадила его у стены рядом со свежей нишей короля. Только потом поняла, где они сидят, но было уже не до того.

— Снимайте куртку.

— Госпожа Эйхенвальд…

— Снимайте. Или я разрежу её вашим же ножом.

Он посмотрел на неё с каким-то новым выражением. Потом, морщась, стянул куртку с плеча. Рубаха под ней пропиталась кровью. Аделина разорвала рукав. Болт прошёл вскользь, распоров кожу и мясо над локтем, но кость была цела. Рана была длинной и некрасивой.

— Нужно промыть, — сказала она.

— Здесь нет воды.

— Здесь есть святое масло, — она кивнула на лампаду. — И у меня есть нижняя юбка.

Она оторвала полосу ткани от подола, смочила её маслом из запасного кувшина, стоявшего у лампады, и начала обрабатывать рану. Каспар не издал ни звука, только мышцы на скулах ходили желваками.

— Вы делали это раньше, — сказал он сквозь зубы.

— Отец порезал руку, когда точил перья. Однажды. Он не умел точить перья, представляете? Канцлер королевства, а перья точила ему я, с десяти лет.

Она бинтовала и говорила, потому что если бы замолчала, то начала бы плакать. Каспар, кажется, это понял. Он слушал и не перебивал.

Когда она закончила, он долго смотрел на аккуратную повязку.

— Спасибо.

— Не за что.

— Есть за что. — Он откинул голову к камню и закрыл глаза. — Мне нужно кое-что вам сказать. И лучше сейчас, пока вы ещё держите в руках нож.

Аделина замерла.

— Говорите.

— Приказ следить за вами я получил не от начальника Серых Плащей. Его отдал мне сам герцог Ашборн. Позавчера, за два часа до того, как вы спустились в хранилище. Он вызвал меня в свои покои и сказал: «Девочка Эйхенвальд может сделать глупость. Смотрите за ней. И если она что-то найдёт, принесите мне это. А её саму — тоже ко мне».

Тишина в крипте стала такой плотной, что, казалось, её можно было резать.

— Почему вы говорите мне это сейчас? — спросила она наконец.

— Потому что вы спасли мне руку. А я не люблю быть должным тем, кому лгу.

Она медленно положила нож на каменный пол между ними. Так, чтобы оба могли до него дотянуться.

— Значит, вы шпион герцога.

— Значит, я был им до вчерашнего вечера. — Он открыл глаза. — Когда вы сказали мне в коридоре: «Если вы предадите меня, я сделаю так, чтобы вы пожалели», я подумал, что впервые за много лет слышу человека, который не боится. И мне стало стыдно.

— Этого мало.

— Знаю. — Он не отвёл взгляда. — Поэтому я не прошу мне верить. Я прошу дать мне возможность доказать.

Аделина смотрела на него долго. На серое от потери крови лицо, на шрам над бровью, на руку, перевязанную её юбкой. Она думала об отце, который поверил многим. О короле, который побоялся сказать правду. Об Оттилии, которая верила ей, девчонке, и погибла за эту веру.

— Хорошо, — сказала она. — Одна возможность. Но если вы её упустите…

— …вы сделаете так, что я пожалею, — тихо закончил он, и в уголках его губ дрогнула та самая почти-улыбка. — Я помню.

Над их головами скрипнула плита. В проёме показалась рыжая голова Лукаса.

— Живы? Прекрасно. Епископ отправил стражу искать вас в порту. Сказал, что видел, как вы бежали к кораблям. Он отлично врёт для святого человека. — Лукас спустился на две ступени и присвистнул, увидев повязку. — Ого. Красиво. Это ваша юбка, госпожа архивистка?

— Лукас.

— Молчу, молчу.

Глава 7. Последнее слово отца

До рассвета они просидели в келье епископа, маленькой комнатке над ризницей, с узким окном, кроватью без матраса и полкой, на которой стояли три книги и глиняная кружка. Хольт напоил Каспара горьким отваром из коры, от которого у того на лице проступил румянец, и уложил его на кровать, не слушая возражений.

— Вы потеряли много крови, сын мой, — сказал он. — Если вы упадёте во дворце, вашей даме придётся тащить вас на себе. А она и так тащит слишком много.

Каспар промолчал. Аделине показалось, что слово «вашей» его смутило больше, чем рана.

Она сидела у окна с запиской Оттилии в руках и в двадцатый раз перечитывала последнюю строку.

«Ключ там, где твой отец оставил тебе своё последнее слово».

Какое последнее слово? Отец ничего ей не оставил. Его увели вечером, она не успела даже обнять его. На суд её не пустили. В день казни Оттилия заперла её в Архиве и не открывала до темноты. Когда дверь наконец отперли, всё было кончено.

Последнее слово.

Она закрыла глаза и попыталась вспомнить то утро. Он сидел за столом в своём кабинете, в синем камзоле, который она не любила, потому что он делал его старше. Пил остывший чай. Читал какую-то бумагу и хмурился. Потом поднял голову и улыбнулся ей.

Он снял перстень. Протянул ей. Сказал: «Береги».

Одно слово.

Аделина открыла глаза.

— Перстень, — сказала она вслух.

Лукас, дремавший на полу у двери, поднял голову.

— Что?

— Последнее слово отца было «береги». Он отдал мне перстень. Его личную печать. — Она сунула руку за ворот платья и вытащила тонкую цепочку. На ней висело тяжёлое серебряное кольцо с плоским тёмным камнем, на котором был вырезан герб Эйхенвальдов: дуб и ключ. — Я ношу его четыре года. Никогда не снимаю.

Каспар приподнялся на локте.

— Покажите.

Она подошла и положила кольцо ему на ладонь. Он поднёс его к свече и долго рассматривал, поворачивая.

— Ключ на гербе, — медленно сказал он. — Он вырезан глубже, чем дуб.

Аделина наклонилась. Он был прав. Бородка нарисованного ключа уходила в камень глубже, чем нужно для оттиска. Если прижать кольцо к воску, ключ отпечатался бы выпуклым, рельефным, почти объёмным.

— Это не просто печать, — прошептала она. — Это и есть ключ.

— К чему?

— К замку, который открывается оттиском. — Она выпрямилась, и сердце её забилось так, что стало трудно дышать. — В Архиве есть такие шкафы. Старые, ещё со времён деда Леопольда. Замок там восковой: в углубление заливают тёплый воск, прижимают печать, и только правильный рельеф поднимает внутренний штифт. Отец сам рассказывал мне о них, когда я была маленькой. Говорил, что это самые надёжные замки на свете, потому что их нельзя взломать, только запечатать. Я думала, их давно не используют.

— Пепельный шкаф, — сказал Лукас, окончательно проснувшись.

— Пепельный шкаф, — повторила она.

Епископ Хольт, стоявший в дверях с кувшином воды, тихо вздохнул.

— Ваш отец был предусмотрительным человеком. И Оттилия Брандт тоже. Они готовили это вместе, дитя. Четыре года.

Аделина сжала кольцо в кулаке. Металл был тёплым от её тела.

— Значит, я пойду туда сегодня.

— Во дворец? — Лукас вскочил. — Вас ищет вся городская стража! На каждом мосту висит ваше описание!

— Описание женщины в сером платье с ключами на поясе, — сказала Аделина. — А во дворец войдёт не она.

— А кто?

Она посмотрела на епископа.

— Ваше преосвященство, завтра в дворцовой капелле поминальная служба по королю, верно? И монастырь Трёх Свечей пришлёт послушниц петь заупокойную.

Хольт посмотрел на неё долгим взглядом, потом медленно кивнул.

— Двенадцать послушниц. В серых покрывалах. Им не нужно показывать лиц, они дали обет.

— Тринадцать, — сказала Аделина.

— А я? — спросил Каспар.

— А вы лежите и пейте ваш отвар, командор.

— Я пойду с вами.

— С такой рукой? Вас узнает первый же стражник.

— Меня узнает первый же стражник с любой рукой, — согласился он. — Поэтому я пойду не через ворота.

Он сел на кровати, бледный, но с упрямо сжатыми губами, и Аделина поняла, что спорить бесполезно. Так сжимал губы её отец, когда принимал решение.

— Серые Плащи знают дворец лучше, чем его строители, — сказал Каспар. — Под западной башней есть старый водосток. Он выходит к реке за мельницей. Я поднимусь по нему и буду ждать вас у Пепельного шкафа. Если что-то пойдёт не так, я уведу вас тем же путём.

— А если вас поймают свои?

— Тогда я скажу им, что выполняю приказ герцога. Что слежу за вами. — Он невесело усмехнулся. — Это даже правда. Отчасти.

Лукас переводил взгляд с одного на другую.

— Ну, а я? Я не умею петь заупокойную. И в водосток не полезу, там крысы.

— А ты, — сказала Аделина, — найдёшь мне человека, который знает, где сейчас Ансельм Дрэйк. Мастер печатей, который уехал в Тиренну. Если он сделал вторую матрицу, он знает, кто её заказал. И, может быть, он единственный живой свидетель.

Лукас помолчал, потом кивнул.

— Есть одна женщина. В порту, в доме с синими ставнями. Она знает всех, кто уезжал в Тиренну за последние десять лет, потому что сама их отправляла. Контрабандой. Она меня ненавидит.

— Почему?

— Потому что я когда-то украл у неё кошелёк. А потом вернул. Она до сих пор не может понять, почему, и это её бесит больше, чем кража.

Аделина впервые за два дня рассмеялась. Смех вышел коротким, хриплым, почти похожим на всхлип, но это был смех.

Епископ поставил кувшин на полку.

— Тогда спите, дети мои. До службы осталось восемнадцать часов. А в доме Божьем вас пока не тронут. Пока.

Он вышел, и в келье стало тихо. Лукас снова свернулся у двери. Каспар лёг, закрыв глаза. Аделина села на подоконник, обхватив колени, и смотрела, как над Эльсмером встаёт серый рассвет.

— Аделина, — вдруг тихо сказал Каспар, не открывая глаз. Он впервые назвал её по имени.

— Да?

— Ваш отец гордился бы вами.

Она не ответила. Только отвернулась к окну, чтобы он не увидел её лица, хотя он и так не смотрел.

Над рекой кричали чайки. Колокола молчали — впервые за три дня. Город затаил дыхание, словно знал, что скоро что-то случится.

Глава 8. Пепельный шкаф

Серое покрывало послушницы было из грубой шерсти и кололось даже через платье. Оно спускалось ниже бровей, закрывало шею и плечи, и в нём Аделина чувствовала себя одновременно спрятанной и голой. Мир сузился до камней под ногами и подола идущей впереди сестры.

Двенадцать послушниц монастыря Трёх Свечей шли парами, под тихое пение, и тринадцатая шла последней, в одиночку. Если кто-то и заметил нечётное число, то не подал вида: никто не считает монахинь в день похорон.

У ворот дворца стояли стражники. Не двое, как обычно, а восемь. Они вглядывались в лица слуг, проверяли корзины торговцев и даже заставили кухарку вытряхнуть мешок лука. Но перед серыми покрывалами они расступились и опустили глаза. Даже самый грубый солдат в Ларвейне боится дотронуться до сестры Трёх Свечей: говорят, у таких руки отсыхают.

Аделина прошла мимо стражи в пяти шагах от капитана, и тот смотрел прямо на неё. Она узнала его: Ронан Шварц, начальник городской стражи, крупный мужчина с выбритой головой и красной шеей. Четыре года назад он стоял в дверях кабинета её отца с приказом об аресте и точно так же смотрел сквозь неё, как сквозь мебель.

Она сосчитала шаги. Десять. Двадцать. Ворота остались позади.

В дворцовой капелле было тесно от чёрных платьев и чёрных камзолов. Пахло ладаном, дорогими духами и тающим воском. В первом ряду сидела Матильда — прямая, тонкая, неподвижная, как свеча. Рядом с ней герцог Ашборн, и его рука лежала на спинке её стула, как рука хозяина на спине собаки.

Послушницы встали в два ряда у боковой стены, и старшая сестра, высокая старуха с голосом, как у колокола, затянула первый стих. Аделина шевелила губами. Слов она не знала, но под покрывалом этого не видел никто.

На третьем стихе старшая сестра незаметно толкнула её локтем. Это был знак.

Аделина наклонила голову, как будто ей стало дурно от ладана, и тихо попятилась к боковой двери. Никто не обернулся. Люди смотрели на гроб и на регента. Одна монахиня, вышедшая подышать, была им неинтересна.

Только у самой двери Аделина почувствовала на себе взгляд. Она не повернула головы, но краем глаза увидела голубое пятно среди чёрного: женщина в тёмно-синем бархате, единственная в зале, кто осмелился не надеть чёрного. Женщина смотрела прямо на неё.

Аделина выскользнула за дверь.

* * *

До Архива было два коридора, одна лестница и одна галерея. Она прошла их с опущенной головой, медленно, как ходят монахини, хотя ноги сами просились бежать. Дважды ей встречались слуги. Однажды стражник. Все сторонились.

Зал Печатей был пуст. Все архивисты ушли на службу. На столе Оттилии лежало недописанное перо, и чернильница стояла открытой. Аделина на миг остановилась возле него. На листе была начата опись: «Инвентарный номер семьсот сорок два. Грамота о передаче земель у села»… Дальше строка обрывалась.

Она закрыла чернильницу. Ничего больше сделать для Оттилии она сейчас не могла.

Пепельный шкаф стоял в самом дальнем конце Зала, в тёмной нише, врезанной в старую стену. Это был не шкаф даже, а целая комната из тёмного дуба, окованная железом, с дверью без замка. Замок ему был не нужен: никто добровольно туда не заходил. Там лежали бумаги, которые Корона отреклась хранить: доносы, не дошедшие до суда, дела о старых пожарах, прошения умерших людей. Раз в год всё это должны были сжечь. Раз в год об этом забывали.

Она вошла внутрь и прикрыла за собой дверь.

Здесь пахло иначе, чем во всём Архиве. Не воском и не пылью. Пахло старой гарью, сыростью и мышами. И ещё, едва уловимо, лавандой.

Оттилия была здесь недавно.

Аделина зажгла огарок свечи, принесённый в рукаве, и стала считать полки. Третья снизу. Дела о пожарах: толстые папки в кожаных переплётах с выжженными на корешках годами. Она стала вынимать их одну за другой и класть на пол.

За ними была гладкая дубовая стенка. А в стенке — круглое углубление размером с монету, затёртое старым тёмным воском.

У неё задрожали руки. Она достала из складок покрывала маленький кусочек красного воска, который дал ей епископ, и стала греть его над свечой. Воск размякал медленно, мучительно медленно. Снаружи, в Зале, что-то скрипнуло. Она замерла, затаив дыхание. Тишина.

Свеча трещала.

Когда воск стал достаточно мягким, она сковырнула ножом старый слой из углубления, вмяла туда новый и сняла с цепочки перстень отца.

«Береги».

Она прижала камень к воску.

Сначала ничего не произошло. Потом где-то внутри стенки что-то тихо щёлкнуло. Едва слышно, как вздох. Панель подалась вперёд на полпальца.

Аделина подцепила её ногтями и открыла.

В тайнике лежали две вещи. Свиток с чёрной печатью и плотный конверт, перевязанный выцветшей синей лентой.

Она взяла свиток и поднесла к лицу.

Железо. Сухая лаванда. Гроза.

У неё подкосились колени, и она села прямо на папки о пожарах. На чёрной печати три свечи и корона. На левой свече — трещинка тоньше волоса.

Настоящая.

Она не стала вскрывать печать. Она знала, что внутри: епископ сказал ей. Совет из пяти. Матильда с правом голоса. Ашборн отстранён. Невскрытая печать стоила больше, чем слова под ней. Её нужно было вскрыть при свидетелях, как требует закон.

Потом она взяла конверт.

На нём было написано одно слово. И этот почерк она тоже узнала бы среди тысячи, потому что десять лет точила перья для руки, которая его вывела.

«Аделине».

Она развязала ленту. Внутри лежали письма — десятки писем, переписанных аккуратным почерком отца, с пометками на полях. Счета. Расписки. Список имён. И сверху — лист, начинавшийся словами:

«Дочь моя. Если ты читаешь это, значит, меня давно нет, и короля, вероятно, тоже. Прости меня за то, что оставляю тебе не наследство, а долг. Ниже ты найдёшь всё, что я успел собрать о Серой Переправе…»

Она не дочитала. Буквы расплылись. Она прижала конверт к груди и сидела так, без движения, не зная, сколько прошло времени. Четыре года она ждала от отца хоть одного слова. И вот оно было, целый конверт слов, в тёмном шкафу, пахнущем гарью.

— Я нашла тебя, — прошептала она. — Я нашла.

За дверью прозвучал голос. Женский, мягкий, с лёгкой насмешкой.

— Я так и думала, что монахини не ходят в Архив просто так.

Глава 9. Дама в синем

Аделина не двинулась. Она сидела на папках, сжимая в одной руке свиток, а в другой конверт, и сердце стучало так громко, что, казалось, его слышно через дубовую дверь.

У неё был нож. Маленький, для воска. И была свеча. И была комната, полная сухой бумаги.

Если они войдут, подумала она с странным ледяным спокойствием, они не получат ничего.

— Не бойтесь, — снова сказал голос за дверью. — Я одна. И я не собираюсь звать стражу. Если бы собиралась, я сделала бы это в капелле, когда вы уходили. У вас, дорогая, слишком аристократическая походка для послушницы. Монахини не держат плечи так, будто им все должны.

Аделина медленно спрятала конверт и свиток в глубокий карман под покрывалом, который епископ велел пришить сестре-кастелянше. Потом поднялась и открыла дверь.

Женщина в синем стояла в трёх шагах, опираясь о стол Оттилии, как о свой. Она была немногим старше Аделины и так красива, что красота казалась не даром, а оружием: тёмные волосы уложены высоко, кожа белая, как сливки, глаза цвета мокрого сланца. На шее — единственный сапфир на тонкой цепочке.

Аделина знала её. Весь дворец знал её.

Изабелла Мерибель, старшая фрейлина принцессы, дочь тиреннского банкира и ларвейнской графини. О ней говорили, что она отказала трём герцогам и одному принцу. Говорили, что она любовница регента. Говорили, что она шпионка Тиренны. Говорили многое — и всё шёпотом.

— Госпожа Мерибель, — сказала Аделина.

— Госпожа Эйхенвальд. — Изабелла чуть наклонила голову, словно на балу. — Вы даже в покрывале выглядите упрямо. Снимите его, здесь никого нет. И не сжимайте так нож, вы порежетесь.

Аделина не опустила нож.

— Что вам нужно?

— То же, что и вам. — Изабелла улыбнулась. Улыбка у неё была тёплая, и от этого становилось ещё тревожнее. — Чтобы принцесса Матильда дожила до своей коронации.

— Вы любовница регента.

— Так говорят, — спокойно согласилась Изабелла. — Я сама распускаю этот слух. Удивительно, как много дверей открывается перед женщиной, которую считают любовницей властителя. И как мало людей спрашивает, что она там делает.

— И что вы там делаете?

— Слушаю. — Изабелла оттолкнулась от стола. — И сегодня утром я услышала, как герцог сказал своему секретарю: «Девчонка вернётся в Архив. Они всегда возвращаются туда, где спрятано их сокровище. Пусть вернётся, достанет его и принесёт нам в руки». Это было час назад. Аделина, он не искал вас на мостах. Он вас ждал здесь.

Аделина почувствовала, как холодеет затылок.

— Тогда почему здесь нет стражи?

— Потому что она ждёт вас снаружи. У всех трёх выходов из западной башни. — Изабелла кивнула на дверь Зала. — Расчёт прост: вы входите с пустыми руками, выходите с полными. Вас встречают на лестнице, и всё, что у вас в руках, сгорает в камине герцога ещё до ужина. А вы отправляетесь туда же, куда и старая Брандт.

— Почему вы мне помогаете?

Изабелла помолчала. Впервые за весь разговор улыбка сошла с её лица, и оно стало младше и усталее.

— Потому что мать Матильды, королева Розалинда, взяла меня из Тиренны, когда мой отец разорился и повесился. Мне было девять. Она сказала: «Будешь сестрой моей дочери». А через год умерла от лихорадки, которую лекари герцога не сумели вылечить. — Она сказала это ровно, как сказала бы о погоде. — Я обещала. Вот и всё.

— Я вам не верю.

— Правильно делаете. В этом дворце нельзя верить никому. — Изабелла снова улыбнулась, и лицо её закрылось, как ставня. — Но у вас нет выбора. Либо вы идёте со мной, либо через дверь. На лестнице вас ждут трое. У выхода в сад четверо. У галереи сам Шварц.

— А есть четвёртый выход, — сказала Аделина.

Изабелла приподняла бровь.

— Водосток, — сказала Аделина. — Под нижним хранилищем. Он выходит к реке.

Она не знала, зачем это сказала. Может быть, потому что в голосе Изабеллы, когда она говорила о королеве, не было ни одной фальшивой ноты. А может быть, потому что нужно было проверить.

Изабелла вдруг рассмеялась — тихо, по-девичьи.

— Серый Плащ. Конечно. Фон Рейн ждёт вас внизу, да? Я так и думала, что он не станет вас сдавать. У него было такое лицо в тот вечер, когда читали завещание… — Она покачала головой. — Хорошо. Идите. Но одну вещь вы оставите мне.

— Ничего я вам не оставлю.

— Оставите. — Изабелла шагнула ближе, и на Аделину повеяло тонким запахом фиалки. — Потому что если вас поймают в водостоке или на реке, у вас отберут всё. А если одна вещь останется здесь, у меня, то даже если вы погибнете, у Матильды будет шанс. Никто не будет обыскивать любовницу регента. Я лучший тайник в этом дворце, Аделина. Лучше вашего шкафа.

Аделина смотрела на неё, и мысли метались, как птицы в клетке.

Завещание без доказательств — это право. Доказательства без завещания — это правда. Нужны были оба. Но если её поймают с обоими, не будет ни того, ни другого.

Она подумала об отце. Он никогда не клал всё в один ящик.

Она достала из конверта письмо отца к ней, то, что было сверху, и спрятала его на груди, рядом с перстнем. А конверт с счетами, расписками и списком имён протянула Изабелле.

— Это, — сказала она. — Завещание останется со мной.

Изабелла взяла конверт, не спрашивая, что в нём, и в одно движение спрятала его в складках бархатной юбки, так ловко, что Аделина не успела заметить, куда.

— Умная девочка, — сказала она. — Отдала то, что сложнее прочесть, и оставила себе то, что сложнее оспорить. Твой отец бы одобрил. А теперь беги. Судя по тишине, служба закончилась.

Аделина прислушалась. И правда — сверху больше не доносилось пение.

Она бросилась к лестнице в нижнее хранилище. Девяносто семь ступеней. На этот раз она их не считала.

Уже на бегу, на повороте, она обернулась. Изабелла Мерибель стояла у стола Оттилии и медленно, задумчиво водила пальцем по недописанной строке описи. Лицо у неё было такое, будто она решала задачу, ответ на которую ей не нравился.

И Аделина, сбегая в холодную тьму, вдруг подумала, что только что либо спасла королевство, либо отдала его в руки врагу.

И узнает она это не скоро.

Глава 10. Убийца в сером

Водосток начинался за последним стеллажом нижнего хранилища, где в полу темнела железная решётка, поросшая ржавчиной. Аделина сто раз проходила мимо неё и ни разу не задумалась, куда она ведёт. Теперь решётка была сдвинута, а снизу, из темноты, поднималась рука.

— Быстрее, — сказал Каспар.

Она схватилась за неё и спустилась вниз, в ледяную воду по колено. Вонь ударила в нос так, что у неё брызнули слёзы. Для человека, который слышит запах воска сквозь стенку ящика, это было почти пыткой.

— Дышите ртом, — посоветовал он. — Нашли?

— Нашла.

Он ничего не сказал, но в темноте она почувствовала, как его рука на миг сжала её плечо. Коротко, крепко, по-солдатски.

Потом он задвинул решётку над их головами, и стало совсем темно.

Они шли наощупь, держась за скользкую стену. Вода бурлила вокруг ног, течение тянуло вперёд, к реке. Где-то пищали крысы. Однажды что-то мягкое проскользнуло по её лодыжке, и она зажала себе рот ладонью, чтобы не закричать.

— Кто там был? — тихо спросил Каспар. — Я слышал голоса.

— Изабелла Мерибель.

Он остановился.

— И вы живы?

— Она сказала, что хочет спасти Матильду. Что королева Розалинда взяла её из Тиренны сиротой. Что она притворяется любовницей герцога, чтобы слушать. — Аделина перевела дух. — Я отдала ей доказательства отца. Завещание у меня.

Тишина была долгой. Только вода бурлила и где-то далеко размеренно капало с потолка.

— Это было либо очень умно, — сказал наконец Каспар, — либо очень глупо.

— Я знаю.

— И вы не знаете как.

— Не знаю. — Она помолчала. — Но если бы меня поймали с обоими, не было бы ничего. А так — есть шанс. Вы сами сказали, что вас сегодня везёт на хороших людей.

В темноте он коротко хмыкнул.

— Я говорил о себе, а не о вас.

— Сегодня мы вместе. Значит, и везёт нам вместе.

Впереди забрезжил серый свет. Тоннель расширялся, вода становилась глубже, и скоро они уже брели по пояс, держа над головой руки. Аделина прижимала к груди свиток, завёрнутый в епископскую кожаную сумку, и молилась одному: чтобы вода не поднялась выше.

Водосток вывел их к каменной арке, наполовину скрытой в зарослях камыша. За ней текла Сольвен, серая и широкая, а на другом берегу медленно вращалось колесо старой мельницы. У самой арки покачивалась чёрная лодка — та самая, с моста Лилий.

В лодке сидел Лукас и жевал сухарь.

— Фу, — сказал он, когда они выбрались на свет. — Госпожа архивистка, я вас уважаю, но сейчас вы пахнете как вся нижняя часть города.

— Спасибо, Лукас.

— Всегда пожалуйста. Залезайте. И накройтесь вот этим. — Он бросил им старую парусину. — У меня новости. Хорошая и плохая.

— Сначала хорошая, — сказала Аделина, переваливаясь через борт. Зубы у неё стучали.

— Хорошая: я нашёл тётку в доме с синими ставнями, и она меня не убила. Она сказала, что Ансельм Дрэйк не доехал до Тиренны. Заплатил за дорогу, сел на корабль, а в первом же порту, в Хейсте, сошёл на берег и пропал. А Хейст — это уже Вестмарк.

Каспар вскинул голову.

— Вестмарк? Зачем мастеру печатей в горы?

— Вот и я думаю. — Лукас оттолкнул лодку от арки и взялся за вёсла. — А теперь плохая. Час назад на всех мостах вывесили новый указ регента. Аделина Эйхенвальд, дочь изменника, обвиняется в убийстве старшей архивистки Оттилии Брандт и в похищении государственных бумаг. За её голову — тысяча серебряных крон. Живой или мёртвой.

Аделина замерла с парусиной в руках.

— Я… убила Оттилию?

— Стражники говорят, что видели вас на лестнице в ту ночь. В сером платье, с ключами. — Лукас сплюнул в воду. — А ещё там написано, что у вас есть сообщник. Дезертир, бывший офицер Серых Плащей. Имени не называют. Пока.

Каспар не показал ничего, только чуть сильнее сжал здоровой рукой борт лодки.

— Пока, — повторил он. — Значит, он оставляет мне дверь. Вернись, приведи её, и твоё имя никогда не появится на этой бумаге.

Аделина посмотрела на него. Лодка медленно выходила на середину реки, и ветер трепал его мокрые волосы.

— И вы войдёте в эту дверь? — спросила она тихо.

Он повернул голову.

— Аделина. За последние два дня я потерял службу, имя и полруки крови. Если бы я хотел войти в эту дверь, я бы не сидел в лодке, которая пахнет рыбой, рядом с женщиной, которая пахнет ещё хуже.

Лукас фыркнул. Аделина, сама не зная почему, тоже. Смех был дрожащий, нервный, но он согревал лучше парусины.

За их спинами, над стенами дворца, вдруг ударил колокол. Не погребальный — тревожный, частый, как удары сердца. За ним отозвался второй, третий, и через минуту уже весь Эльсмер гудел, словно растревоженный улей.

— Они закрывают мосты, — сказал Каспар. — Все сорок один. И ворота города.

— Значит, служба кончилась, и герцог заглянул в Пепельный шкаф, — тихо произнесла Аделина.

Или Изабелла рассказала ему, что видела, подумала она, но вслух не сказала.

Лукас налёг на вёсла.

— Не все дороги из Эльсмера ведут через мосты и ворота, — сказал он. — У воров свои пути. Вопрос только в том, куда вам нужно.

Аделина сунула руку за ворот. Письмо отца промокло по краям, но перстень был на месте. И завещание в кожаной сумке осталось сухим.

Она посмотрела на север, туда, где за серыми крышами города едва различимо синели горы.

Ансельм Дрэйк. Хейст. Вестмарк. Мастер, который сделал фальшивую печать и сбежал туда, где его никто не станет искать. Или которого туда отправили.

— На север, — сказала она. — Нам нужно на север.

Каспар посмотрел на неё. В его глазах что-то мелькнуло — то ли тревога, то ли восхищение.

— В Вестмарке правит герцог Отто Вальденберг, — сказал он. — Старый враг Ашборна. И старый враг вашего отца.

— Значит, у нас с ним будет о чём поговорить.

Колокола гудели над городом. Лодка с тремя беглецами медленно утонула в тумане над Сольвеном, и с берега её уже никто не мог разглядеть.

А в кабинете регента, в самой высокой башне дворца, герцог Гюнтер Ашборн стоял у окна и смотрел на реку. За его спиной в камине догорали пустые папки о пожарах.

— Пусть бегут, — сказал он, не оборачиваясь. — Зайца всегда бегут туда, где стоит силок.

И женщина в синем бархате, сидевшая в кресле у камина, мягко улыбнулась ему в спину.

Часть вторая. Бегство

Глава 11. Воровские тропы

Лодка шла по течению так долго, что Аделина перестала чувствовать пальцы на ногах. Мокрое платье липло к телу, старая парусина пахла смолой и рыбьей чешуёй, а от реки поднимался такой сырой холод, что он забирался под кожу и оседал там, как иней на стекле. Над водой висели серые клочья тумана. Колокола всё ещё гудели — теперь не над головой, а где-то позади и сбоку, приглушённо, как сердце за стеной.

Лукас грёб молча, ровно и тихо, опуская вёсла в воду так, чтобы они не плескали. Иногда он останавливался, слушал, потом направлял лодку к другому берегу или загонял её в тень под нависающие галереи домов и ждал. Дважды мимо них проходили сторожевые лодки с фонарями на носу. Дважды Аделина вжималась в дно, чувствуя лопатками мокрые доски, и слушала, как грубые голоса перекидываются над водой непристойными шутками и уходят.

Каспар сидел на корме, прижав раненую руку к боку. Он слишком долго просидел в холодной воде водостока, и Аделина видела, как под загаром и грязью его лицо приобретает нехороший, восковой оттенок. Губы побелели. Иногда он прикрывал глаза, и тогда казалось, что он засыпает, но стоило лодке задеть корягу или далеко на берегу залаять собаке, как он сразу открывал их, и в них не было ни тени сна.

— Вам холодно, — сказала она наконец шёпотом.

— Вам тоже.

— Мне не нужно держать меч завтра утром.

Уголок его рта дрогнул.

— Завтра утром мы будем либо за городом, либо в тюрьме. В обоих случаях меч мне вряд ли понадобится.

Она ничего не ответила, только перебралась ближе и накинула край парусины ему на плечи. Он не стал возражать. Так они и сидели, сбившись под одной вонючей тряпкой, плечо к плечу, и Аделина чувствовала, как мелкая дрожь проходит по его телу и уходит, и снова возвращается.

Лукас поглядел на них, хмыкнул, но впервые за день ничего не сказал.

* * *

Река Сольвен входила в Эльсмер широкой и неторопливой, а выходила из него измученной, разорванной на сорок рукавов, засорённой отбросами скотобоен, кожевенных мастерских и красилен. Восточная часть города, та, что стояла ниже по течению, называлась Соляными дворами, и Аделина бывала тут только в детстве, когда отец возил её смотреть, как с барж сгружают мешки с северной солью. Он тогда сказал ей: «Смотри. Вот на чём стоит королевство. Не на мечах и не на коронах, а на соли, хлебе и том, чтобы эти люди вечером вернулись домой».

Сейчас Соляные дворы спали тяжёлым, неспокойным сном. На причалах горели костры, у костров сидели люди — не стража, а грузчики, лодочники, вдовы в тёмных платках. Они не спали. И Аделина, проплывая мимо, услышала обрывок разговора:

— …вдвое, слышишь? Вдвое! А я и так отдаю треть заработка…

— Регент говорит, война скоро.

— С кем? С нами, что ли?

Кто-то засмеялся горько и зло. Кто-то цыкнул на смеющегося. А потом лодка зашла за поворот, и голоса стихли.

— Это началось не вчера, — тихо сказал Каспар, не открывая глаз. — Уже полгода в городе говорят про войну. Но никто не может сказать, с кем. Хаурен подписал мир и соблюдает

его. Тиренна торгует с нами и скорее удавится, чем войдёт в убыток. А Вестмарк слишком мал, чтобы воевать с Ларвейном.

— Тогда зачем деньги на войну?

— Вот именно, — сказал он. — Зачем деньги на войну, если воевать не с кем.

Аделина машинально прижала ладонь к груди, туда, где под мокрой тканью лежало письмо отца. Она ещё не прочла его до конца. Не потому, что не было времени, а потому, что боялась. Боялась того, что прочтёт последнюю строку, и больше ничего от него не останется. Ни одного непрочитанного слова.

Лукас подвёл лодку к каменной стене, в которой чернела низкая арка, наполовину залитая водой, и остановился.

— Дальше на лодке нельзя, — сказал он. — У Решётчатого моста реку перегородили цепью, я видел из окна колокольни. И на берегу с обеих сторон стража. Здесь выходим.

— В эту дыру? — Аделина посмотрела на арку с отвращением. Из неё тянуло тем же, что и из дворцового водостока, только гуще.

— Это не дыра, — обиделся Лукас. — Это Старый соляной канал. Его прорыли триста лет назад, чтобы возить соль к складам мимо таможни. Потом король узнал, рассердился и велел его замуровать. Замуровали оба конца. А середина осталась, и через сто лет кто-то умный пробил два новых конца. С тех пор по нему возят всё, что не должно проходить через таможню. Включая людей.

— И все о нём знают?

— Все, кому нужно, — сказал Лукас с нескрываемой гордостью. — И ни один человек из стражи. За этим следит мадам Агата.

Каспар открыл глаза.

— Агата Шрёдер? Та, что держит Сорочье гнездо?

Лукас посмотрел на него с внезапной подозрительностью.

— А вы откуда знаете?

— Серые Плащи знают про неё десять лет. Мы никогда её не трогали, потому что через неё в город входили слухи, а нам нужны были слухи. — Каспар помолчал. — Но если она узнает, кто я, нам конец.

— Значит, она не узнает, — сказал Лукас. — Вы будете моим двоюродным братом из Хейста. Немой. Глухой. И слегка не в себе.

— Почему не в себе?

— Потому что нормальный человек не смотрит на людей так, будто приценивается, куда ударить, — весело сказал Лукас. — А вы смотрите. Даже сейчас. Так что лучше пусть думают, что вы дурачок.

Аделина не выдержала и фыркнула в парусину. Каспар посмотрел на неё с укором, но в глубине его глаз что-то светилось.

— А я? — спросила она.

Лукас осмотрел её с головы до ног взглядом торговца, оценивающего лошадь.

— А вы моя невеста.

— Что?

— Невеста, — повторил он, и на лице его было написано чистое, ничем не замутнённое удовольствие. — Дочь бедного писаря, которая сбежала из дома с вором, потому что потеряла голову от любви. От таких в Сорочьем гнезде не ждут подвоха. Их жалеют и немного презирают. Это лучшее, что может быть.

Аделина открыла рот, чтобы возразить, и закрыла. В словах Лукаса была своя логика, и она это понимала.

— Хорошо, — сказала она. — Но если ты хоть раз попытаешься меня поцеловать…

— Зачем мне пытаться? — удивился Лукас. — Я просто поцелую, если будет нужно для дела. А потом вы меня убьёте. Или он убьёт. — Он кивнул на Каспара. — Судя по тому, как он сейчас на меня смотрит, скорее он.

Каспар отвернулся.

* * *

Старый соляной канал оказался длинным кирпичным тоннелем, столь низким, что Каспару пришлось идти согнувшись. Вода в нём была стоячей и доходила до щиколотки, по стенам сползали белые натёки — соль, которая триста лет назад пропитала кирпич и так и не ушла. Лукас шёл впереди с маленьким фонарём, накрытым тряпкой, так что свет падал только под ноги. Аделина шла следом, держа в одной руке кожаную сумку епископа, а другой поддерживая Каспара под здоровую руку. Он не просил, чтобы его поддерживали. Но и не отталкивал её.

Шли долго. Тоннель то сужался, то расширялся, то раздваивался, и на каждой развилке Лукас останавливался, прислушивался и стучал костяшками пальцев по кирпичу: три быстрых удара, два медленных. Иногда из темноты отвечали таким же стуком. Иногда нет, и тогда Лукас сворачивал.

— Это что, тайный язык? — шёпотом спросила Аделина.

— Стук сороки, — ответил Лукас. — Три быстрых — «свои». Два медленных — «идут к гнезду». Если отвечают одним длинным, значит дорога свободна. Если не отвечают — там либо никого, либо стража, либо кто-то, кто нас не любит. В любом случае туда лучше не ходить.

— А если отвечают, но не так?

Лукас помолчал.

— Тогда бежим, — сказал он просто.

Они шли ещё полчаса, прежде чем тоннель вывел их в большой круглый зал с высоким сводом. Когда-то здесь, наверное, был подземный склад для контрабандной соли. Теперь тут горели факелы, дымили жаровни, и на деревянных настилах вдоль стен сидели, лежали, ели, играли в кости и спали люди. Пахло дымом, дешёвым пивом, капустой и мокрой шерстью. Где-то плакал ребёнок, где-то двое вяло ругались из-за сапога, где-то старуха напевала колыбельную без слов.

Сорочье гнездо.

Аделина слышала это название всю жизнь. Няньки пугали им детей: «Будешь плохо себя вести — сороки утащат в гнездо». Стражники сплёвывали, произнося его. Отец однажды сказал за ужином, что Сорочье гнездо — это цена, которую город платит за слишком высокие налоги, и что если бы корона хоть раз спустилась сюда посмотреть, стало бы меньше воров и больше подданных. За эту фразу кто-то из гостей назвал его вольнодумцем. Отец тогда рассмеялся.

Теперь Аделина стояла посреди этого гнезда, мокрая, грязная, в разорванном платье, и понимала, что из всех здешних обитателей она сейчас самая разыскиваемая. Тысяча серебряных крон. Для любого из этих людей это были деньги на всю жизнь.

— Голову ниже, — тихо сказал Лукас, не оборачиваясь. — И возьмите меня под руку. Невеста всегда держит жениха под руку, даже если он последний негодяй.

Она взяла его под руку. Рука у него была тонкая и жилистая, как у подростка. Каспар сзади сгорбился, отвис челюстью и стал смотреть в потолок пустым, бессмысленным взглядом. Превращение было таким быстрым и таким полным, что у Аделины мурашки пробежали по спине. Сколько раз он уже так делал? И кем ещё был?

Они прошли через зал. На них смотрели, но смотрели скучающе, как на новое пятно на стене. Один парень с расплющенным носом свистнул и крикнул:

— Лукас! Ты что, бабу себе нашёл?

— Невесту, дурак, — отозвался Лукас с достоинством.

В зале засмеялись. Кто-то засвистел. Старуха, певшая колыбельную, замолчала и посмотрела на Аделину долгим и странно внимательным взглядом. Аделина опустила глаза и прижалась к Лукасу, как, по её представлениям, должна была прижиматься влюблённая дурочка. Кажется, вышло неплохо, потому что старуха покачала головой и снова затянула свою песню.

За залом был коридор, за коридором дверь, обитая железом, а у двери сидел на табурете огромный человек с бритой головой и строгал ножом какую-то деревяшку. Увидев Лукаса, он не поднялся.

— Мадам занята.

— У меня дело, Брам.

— У всех дело. — Брам сдул стружку с лезвия. — Мадам занята, потому что вся стража города сегодня встала не с той ноги и перекрыла все выходы. У нас на причалах стоят три баржи с товаром, и ни одна не может сдвинуться. А ещё кто-то обещал тысячу крон за какую-то девку из дворца, и теперь полгнезда бегает по городу с мешками, чтобы её поймать. Так что у мадам нет времени на твои дела.

Аделина не шелохнулась. Лукас всем видом показал, что услышал нечто интересное.

— Тысячу? За одну девку?

— За одну девку, — подтвердил Брам. — И ещё пятьсот за офицера, который с ней. Высокий, тёмный, со шрамом над бровью. — Он медленно скосил глаза на Каспара, который как раз в эту минуту разглядывал паутину под потолком с бессмысленной улыбкой. — А это кто?

— Это Матти, мой двоюродный из Хейста, — не моргнув глазом, сказал Лукас. — У него голова с детства не то. Его лошадь лягнула. Он не слышит и не говорит, зато таскает три мешка соли разом. Хочу пристроить его на баржу грузчиком. А ещё он порезал руку о ржавый крюк, когда мы шли по каналу, так что его бы ещё и перевязать.

Брам долго смотрел на Каспара. Каспар долго смотрел на паутину. Потом медленно, как ребёнок, поднял здоровую руку и показал на неё пальцем, счастливо и глупо улыбаясь, как человек, который впервые в жизни увидел паука.

Брам сплюнул.

— Нет, не он. Тот офицер из Серых. Серые так не улыбаются. — Он помолчал и с неохотой поднялся. — Ладно. Спрошу. Но если мадам скажет «нет», ты пойдёшь отсюда тем же путём, что и пришёл. И свою невесту заберёшь.

Он скрылся за дверью. Аделина выдохнула. Она и не замечала, что всё это время держала дыхание.

— Он нас узнал, — прошептала она.

— Он узнал, что может нас узнать, — поправил Лукас, не теряя дурацкой улыбки. — Это разные вещи. Первое — конец. Второе — торг. А торговаться мадам Агата любит больше, чем деньги.

Каспар ничего не сказал. Но рука его, опущенная вдоль тела, медленно сжалась в кулак.

Дверь открылась через долгую, мучительно долгую минуту. Брам высунул голову и кивнул.

— Заходите. Все трое. И дурачок тоже. Мадам сказала, что хочет на него посмотреть.

* * *

Комната мадам Агаты Шрёдер оказалась не похожей ни на что, что Аделина ждала увидеть под городом. Здесь были ковры — настоящие тиреннские, с цветами и птицами, такие же, как в покоях королевы. Был книжный шкаф со стеклянными дверцами. Был письменный стол, заваленный бумагами, и на бумагах Аделина с первого взгляда узнала книги учёта: приход, расход, долги. На стене висела большая карта Эльсмера, исчерченная красными и синими линиями, как карта военной кампании. И пахло тут не дымом и капустой, а кофе, дорогим табаком и сургучом.

За столом сидела женщина лет шестидесяти, маленькая, полная, с аккуратно уложенными седыми волосами и очками в тонкой золотой оправе на кончике носа. Она походила на жену зажиточного суконщика или на настоятельницу пансиона для благородных девиц. Если бы не глаза под этими очками — светлые, прозрачные, цвета речной воды, в которой под спокойной поверхностью ходят очень большие и очень голодные рыбы.

— Лукас, — сказала она, не поднимая глаз от книги. — Мой любимый воришка. Тот, кто крадёт кошельки, а потом их возвращает. Давно тебя не было.

— Я был занят, мадам.

— Вижу. — Она наконец подняла глаза и посмотрела на Аделину. Долго, внимательно, с головы до ног, словно пересчитывала стоимость. — Дитя моё, у тебя грязное платье и чистые руки. Так не бывает у дочерей бедных писарей. У них пальцы в чернилах, а у тебя в воске. И ты держишь сумку епископа Хольта так, будто в ней лежит твоё сердце. Я знаю эту сумку, дитя. Хольт покупал у меня свечи для своего храма, когда казна перестала их давать.

Аделина медленно выпрямилась. Притворяться дальше не имело смысла.

— Вы знаете, кто я.

— Я знаю, кто ты, с тех пор, как Брам сказал мне, что Лукас привёл невесту. — Мадам Агата сняла очки и неторопливо протёрла их краем шали. — Лукас у нас никогда не заводил невест. У него другие слабости. Так что или он влюбился — а это вряд ли, — или привёл товар. А какой товар сегодня самый дорогой в Эльсмере, знает каждая крыса.

Лукас шагнул вперёд.

— Мадам, она не товар.

— Всё товар, Лукас, — мягко сказала мадам Агата. — Вопрос только в цене и в том, кто платит. Сегодня регент платит тысячу за неё и пятьсот за него, — она не глядя кивнула в сторону Каспара. — И не притворяйтесь дурачком, командор фон Рейн. Вы играете хорошо, но дурачки не держат локоть так, чтобы в любую секунду достать нож из рукава.

Каспар перестал улыбаться. Он выпрямился, и в тесной комнате он вдруг оказался очень большим. Брам у двери положил ладонь на рукоять тесака.

— Если вы собираетесь нас продать, мадам, — спокойно сказал он, — вы сделали бы это у двери. Не в кабинете.

— Верно, — согласилась мадам Агата и снова надела очки. — У двери продают дешево. А в кабинете покупают дорого. Садись, дитя. И вы садитесь, командор, пока не упали. Вы серый, как ваш плащ. Брам, принеси воды, чистых тряпок и бутылку тиреннской водки. И позови Марту с её иглами, у гостя рана начинает гнить, я чувствую это отсюда.

Брам покосился на Каспара, но вышел.

Аделина села на край кресла. Каспар остался стоять. Мадам Агата перевела взгляд с неё на него и вздохнула.

— Упрямые оба. Ладно. Вот моё предложение. Регент платит полторы тысячи за ваши головы. Это хорошие деньги. Но завтра мои три баржи с лимонами, сукном и красками начнут гнить у причала, и я потеряю три тысячи. Потому что регент закрыл реку из-за вас. И через месяц, когда он введёт новый налог на лодки, а он введёт, поверьте моему опыту, я потеряю ещё больше. А ещё через полгода, когда он начнёт свою войну, половина моих людей окажется в армии, а вторая половина на виселице.

— Какую войну? — спросил Каспар.

Мадам Агата улыбнулась. Улыбка была маленькой и совсем не доброй.

— А вот это, командор, тот вопрос, на который я хочу получить ответ. И я думаю, что ответ лежит в той сумке, которую девочка прижимает к груди. Девочка не убивала старую Брандт. В ту ночь, когда старую сбросили с лестницы, мой человек видел, кто выходил из западной башни сразу после полуночи. Двое в плащах городской стражи. И один человек без плаща, с лысой головой и красной шеей.

Аделина сжала пальцы на сумке так, что кожа скрипнула.

— Шварц.

— Ронан Шварц, — кивнула мадам Агата. — Который теперь вешает на мостах твои приметы, дитя. И который пять лет брал с меня деньги за то, чтобы не замечать моих барж. А на прошлой неделе поднял цену вдвое. Сказал, что теперь у него есть покровитель повыше. Я не люблю, когда мне поднимают цену, дитя. Я очень этого не люблю.

Дверь открылась, и вошла пожилая женщина с корзинкой, из которой торчали клубки ниток и ручки ножниц. За ней Брам с кувшином и пузатой бутылкой. Женщина — Марта, догадалась Аделина, — без всяких церемоний толкнула Каспара на табурет, расстегнула ему куртку и стала разматывать повязку из нижней юбки, цокая языком.

— Кто ж так бинтует? Туго, да ещё маслом из лампады. Хорошо хоть, что святым…

Аделина покраснела. Каспар встретился с ней взглядом, и, несмотря на боль, на серое лицо и на то, что они сидели в логове самой опасной женщины города, в его глазах мелькнуло что-то очень похожее на смех.

Мадам Агата налила водки в маленький стаканчик и подвинула его Аделине.

— Пей. И рассказывай. И запомни, дитя: я не люблю, когда мне врут. Даже больше, чем когда поднимают цену. Расскажешь правду — завтра ночью вы уйдёте из города на моей барже, и ни одна собака не тявкнет. Соврёшь — вы уйдёте сегодня, только уже не сами и прямиком к Ронану Шварцу. И я получу свои полторы тысячи и попробую спать спокойно.

Аделина посмотрела на маленький стаканчик, потом на Каспара, над которым уже согнулась Марта с иглой, потом на Лукаса, который стоял у стены с таким лицом, будто перед судом.

Отец говорил: «Ложь начинается там, где кончается порядок». И ещё говорил: «Иногда правда — единственное оружие, которое у тебя осталось».

Она выпила водку одним глотком. Горло обожгло, на глаза навернулись слёзы, и по телу разлилось странное жидкое тепло.

— Хорошо, — сказала она, поставив стаканчик. — Я расскажу вам правду, мадам. Но не всю. Всю я не расскажу никому, пока не доберусь до того, кто может её защитить. А то, что расскажу, будет правдой до последнего слова.

Мадам Агата долго смотрела на неё поверх очков. Потом вдруг рассмеялась — неожиданно громко, по-деревенски, хлопнув ладонью по столу.

— Рихард Эйхенвальд! Вылитый Рихард! Точно так же он сказал мне двадцать лет назад, когда меня привели к нему на допрос по делу о соляной контрабанде. «Я скажу вам правду, сударыня, но не всю». И знаешь, что? Он меня отпустил. Сказал, что тот, кто возит соль беднякам дешевле короны, виноват перед казной, но не перед людьми. И что казна переживёт. — Она перестала смеяться так же внезапно, как начала, и лицо её стало старым и усталым. — Я должна ему, дитя. Двадцать лет я должна ему, а когда его повезли на площадь, я ничего не сделала. Потому что боялась. Все боялись.

Она налила ещё один стаканчик и выпила его сама, не поморщившись.

— Рассказывай, — сказала она. — У нас долгая ночь.

Глава 12. Письмо из пепла

Она рассказывала долго. Про чёрный воск, который пахнет грозой, и про печать, которая пахла мёдом и сажей. Про трещинку на левой свече. Про старого резчика, который держал дверь. Про епископа и крипту с пустой нишей короля. Она не сказала только двух вещей: что именно написано в завещании и кому она отдала бумаги отца.

Мадам Агата не перебивала. Она сидела, сложив пухлые руки на животе, и смотрела на Аделину поверх очков с таким выражением, будто слушала не историю, а отчёт приказчика о потерянном грузе. Иногда она кивала. Иногда пожёвывала губами. Один раз, когда Аделина дошла до ленточки на запястьях Оттилии, она на мгновение закрыла глаза.

Марта тем временем зашила Каспару руку — десять стежков тонкой шёлковой нитью, промотанной через водку. Он сидел прямо, не морщась, и только сжатые зубы да капли пота на висках выдавали, чего ему это стоит. Когда Марта закончила и отрезала нить зубами, он выдохнул так, словно всё это время не дышал.

— Жить будет, — сказала Марта, ни к кому не обращаясь. — Если дураком не будет. К утру жар поднимется. Поить отваром ивовой коры, каждые три часа. Водки не давать, сколько бы ни просил.

— Я не прошу, — сказал Каспар.

— Все просят, — отрезала Марта и собрала свою корзинку.

Когда за ней закрылась дверь, мадам Агата ещё некоторое время молчала. Потом сняла очки, сложила их и положила на раскрытую книгу учёта.

— Значит, так, — сказала она. — Регент подделал последнюю волю короля. Четыре года назад те же люди подделали письма Рихарда. А начальник городской стражи убивает старух по ночам и поднимает мне цену. И всё это, дитя, ты хочешь доказать одним свитком и своим носом.

— Не только. Есть мастер, который сделал поддельную матрицу. Ансельм Дрэйк.

— Который сошёл с корабля в Хейсте и исчез. — Мадам Агата кивнула. — Я знаю. Это я продала ему место на том корабле. И знаешь, что мне тогда показалось странным? Он заплатил за дорогу до Тиренны, а спрашивал меня только про Хейст. Где там пристань, где дорога в горы, сколько дней до Вальденберга. Человек, который бежит от опасности, так не спрашивает. Так спрашивает человек, который бежит к кому-то.

— К кому?

— Вот этого я не знаю. — Она посмотрела на Каспара. — Но ваш командор, судя по лицу, догадывается.

Каспар помолчал.

— В Вальденберге, столице Вестмарка, сидит старый герцог Отто, — сказал он наконец. — Он ненавидит Ашборна с тех пор, как тот отнял у него два горных рудника по договору, подписанному при странных обстоятельствах. Если мастер печатей искал защиты от регента, он пошёл бы именно туда.

— Или его туда послали, — тихо сказала Аделина. — Чтобы в нужный момент он нашёлся и показал, что подделку заказал Вестмарк. Вот вам и война, мадам. С тем, кто слишком мал, чтобы воевать.

В комнате стало очень тихо. Даже из зала за дверью больше не доносилось ни звука. Мадам Агата медленно повернула голову и посмотрела на карту Эльсмера, исчерченную линиями.

— Рудники, — сказала она задумчиво. — Серебро и железо Вестмарка. И горные перевалы, через которые Хаурен может зайти нам в тыл. Дитя, ты понимаешь, что сейчас сказала?

— Понимаю.

— Ты сказала, что регент собирается отдать Хаурену то, что Хаурен сам не смог взять. Руками Ларвейна. Под предлогом возмездия за подделку. — Мадам Агата налила себе третий стаканчик и на этот раз не стала пить, только смотрела на него. — Пятьдесят лет я торгую в этом городе. И впервые слышу такую дорогую сделку.

— Вы мне верите?

— Я верю твоим рукам, — сказала мадам Агата. — Они дрожали, когда ты говорила про старую Брандт, и не дрожали, когда ты говорила про регента. Лжецы дрожат наоборот. — Она отодвинула стаканчик. — Хорошо. Вот мои условия. Завтра ночью моя баржа «Старая Медведица» с грузом соли пойдёт вверх по реке, к северным соляным промыслам. У Решётчатого моста её осмотрят. Вы будете в трюме. Если вас найдут, я скажу, что впервые вас вижу, и первая потребую награду. Это понятно?

— Понятно.

— Если не найдут, через три дня вы будете в Радене, а там до Хейста рукой подать. А плата… — Она снова надела очки, и лицо её стало деловым. — Плата будет потом. Когда твоя принцесса сядет на трон, а ты — рядом с ней, ты попросишь её о двух вещах. Первое: соляной налог вернётся к тому, что был при регенте. Не при короле, а даже ниже. Второе: Ронан Шварц будет висеть. На Решётчатом мосту. Чтобы мои люди видели.

Аделина не сразу нашлась с ответом. Первое было просто. Второе… Она подумала о тонкой шёлковой ленте на запястьях Оттилии. И о том, что отец никогда не подписал ни одного смертного приговора без суда.

— Первое я обещаю, — сказала она. — А второе… Шварц предстанет перед судом. Открытым, при народе, на площади. И если суд докажет, что он убил Оттилию, он будет висеть. Это всё, что я могу обещать, мадам. Моего отца убили без настоящего суда. Я не стану делать то же самое даже с его убийцами.

Мадам Агата смотрела на неё так долго, что Лукас у стены начал переминаться с ноги на ногу. Потом она подняла нетронутый стаканчик и выпила его залпом.

— Породу не спрячешь, — проворчала она. — Рихард тоже не умел торговаться. Ладно. Суд так суд. Даже интереснее будет посмотреть. Брам! Отведи наших гостей в угловую комнату. И поставь у двери двоих из своих. Не для того, чтобы они не ушли. Для того, чтобы к ним никто не вошёл. Тысяча крон — большие деньги даже для сорок.

* * *

Угловая комната оказалась каменным мешком без окон, с двумя тюфяками, набитыми соломой, жаровней с углями и деревянным ведром в углу. Зато здесь было сухо и тепло, и после водостока, лодки и соляного канала она показалась Аделине королевскими покоями.

Брам принёс одежду — грубую шерстяную юбку, рубаху и тёмный платок для неё, штаны и куртку грузчика для Каспара. Он же принёс горшок с похлёбкой из фасоли и сала и краюху чёрного хлеба. Аделина не ела ничего вкуснее за всю свою жизнь.

Лукас поел и тут же ушёл — сказал, что у него дела в порту, что нужно узнать, сколько стражи у Решётчатого моста и кто сегодня старший. На пороге он обернулся:

— И не смейте переодеваться при нём, госпожа архивистка. Он и так еле жив.

И захлопнул дверь раньше, чем она успела бросить в него краюхой.

Она переоделась в углу, спиной к комнате, пока Каспар, не дожидаясь просьбы, лежал на тюфяке лицом к стене. Старое платье она бросила на пол. Грязное, разорванное, пропахшее рекой и сточными водами — а ведь это было единственное платье архивистки, которое у неё осталось. С ним уходила целая жизнь: четыре года тишины, описей, перьев и девяноста семи ступеней.

Когда она обернулась, Каспар спал. Или делал вид, что спит. В тусклом свете углей его лицо казалось моложе, чем днём, — слишком молодым для человека, который так спокойно держит нож. На лбу выступили капли пота. Марта была права: жар поднимался.

Аделина села на свой тюфяк, подобрала ноги и достала из-за пазухи письмо отца. Бумага высохла и покоробилась по краям, чернила местами расплылись, но слова были видны. Она долго сидела, не разворачивая его. Потом развернула.

«Дочь моя.

Если ты читаешь это, значит, меня давно нет, и короля, вероятно, тоже. Прости меня за то, что оставляю тебе не наследство, а долг.

Ниже ты найдёшь всё, что я успел собрать о Серой Переправе. Приказ отвести дозор был запечатан королевской печатью, но король его не подписывал. Я знаю это, потому что в тот день король лежал в лихорадке в летнем дворце и не видел ни одной бумаги. Печать в те дни хранилась в казначействе. Ключ от шкатулки был у казначея Маттиаса Кроне.

Кроне не главный. Он трус и любит деньги, а такие не затевают войн. За ним стоит человек, которого в переписке с Хауреном называют Вороном. Я не смог доказать, кто он. Я догадываюсь, и ты, дочь, тоже догадаешься, но догадка — не доказательство. Помни это всегда.

Под списком имён ты найдёшь одно, которое обведено дважды. Ансельм Дрэйк. Он пришёл ко мне ночью, пьяный и испуганный, и сказал, что его заставили сделать копию моего перстня. Что теперь он знает, для чего это было, и боится за семью. Я отправил его жену и дочь из города в ту же ночь. Он остался, чтобы не вызвать подозрений.

Если он жив — он единственный, кто может под присягой сказать, кто заказал подделку. Его семья живёт в Вестмарке, в селении Линденхоф у подножия Седого перевала. Ищи его там.

И ещё. Не верь никому из тех, чьи имена в списке. Ни одному, даже если они придут к тебе с лаской. Особенно если придут с лаской.

Я люблю тебя, моя девочка с воском на пальцах. Я горжусь тобой больше, чем всем, что сделал в жизни. Береги себя. А если не сможешь беречь себя — береги правду. Она переживёт нас обоих.

Твой отец, Рихард».

Аделина дочитала до конца.

Она боялась, что заплачет, но слёз не было. Была только странная, огромная тишина внутри, как в Храме Трёх Свечей после того, как смолкло пение. Она сложила письмо, прижала к губам, как делала с запиской Оттилии, и спрятала обратно, рядом с перстнем.

Список имён. Он остался у Изабеллы.

«Не верь никому из тех, чьи имена в списке». А она отдала список, не прочитав его. А что, если там было имя самой Изабеллы Мерибель?

Она закрыла глаза и сидела так, пока из темноты не раздался тихий хриплый голос.

— Лейф.

Она открыла глаза. Каспар лежал на спине, и глаза его были открыты, но смотрели не на неё, а в потолок, стеклянно и бессмысленно — теперь уже по-настоящему. Щёки горели.

— Лейф, не ходи к Переправе. Не ходи. Это ложный приказ…

Аделина перебралась к нему, намочила тряпку в ведре и положила ему на лоб. Он вздрогнул и схватил её за запястье здоровой рукой — сильно, до боли.

— Это я, — сказала она тихо. — Аделина. Всё хорошо, командор.

Пальцы на её запястье медленно разжались, но руку он не отпустил.

— Он писал мне, — пробормотал он. — Писал, что приказ странный. А я написал ему… я написал: «Служба есть служба. Исполняй». Я написал ему «исполняй».

Аделина замерла.

— Он исполнил, — сказал Каспар, и в его голосе было что-то такое, что у неё сжалось сердце. — Он исполнил, потому что старший брат сказал «исполняй». Триста человек…

Она села рядом на край тюфяка и не стала забирать руку. Тряпка на его лбу нагревалась, и она свободной рукой переворачивала её холодной стороной.

— Вы не виноваты, — сказала она. — Слышите? Виноват тот, кто написал ложный приказ. И тот, кто поставил на нём печать. И тот, кто за ними стоит. Мы найдём их. Я обещаю.

Он не ответил. Кажется, он снова провалился в горячий тяжёлый сон. Но пальцы его так и остались сомкнутыми вокруг её запястья, и она сидела, не шевелясь, и каждые три часа, как велела Марта, поила его горьким отваром из ивовой коры, приподнимая его голову на своём плече.

Под утро жар спал. Каспар заснул спокойно, глубоко, как ребёнок. Аделина так и заснула сидя, прислонившись спиной к стене, с рукой в его руке.

И не слышала, как открылась дверь, и как Лукас постоял на пороге, глядя на них, и тихо прикрыл её снова, так и не сказав ни слова.

* * *

Проснулась она от того, что кто-то смотрел на неё.

Каспар сидел на своём тюфяке, прислонившись к стене, уже одетый в куртку грузчика, и пил из глиняной кружки. Лицо у него было бледное, но уже не серое, и глаза снова стали его глазами: внимательными, спокойными, ничего не обещающими.

Аделина выпрямилась. Шея затекла, рука онемела, и вся она была как скомканная бумага.

— Вам лучше, — сказала она.

— Благодаря вам.

— Благодаря Марте и ивовой коре.

— Марта не сидела со мной всю ночь. — Он повертел кружку в пальцах и помолчал. — Я говорил во сне?

Аделина поколебалась. Можно было солгать. Можно было сказать «нет», и он бы поверил, или сделал бы вид, что поверил. Но он сам сказал ей в первый же день, что не любит, когда ему лгут.

— Говорили. Про Лейфа. И про то, что написали ему «исполняй».

Он не отвёл взгляда. Только что-то в лице стало жёстче, как становится жёстче воск, когда его снимают с огня.

— Никому этого не говорил, — сказал он. — Четыре года. Даже себе. Думал, если не говорить, то вроде и не было.

— Было, — сказала она. — Но вы написали «исполняй» на приказ, который считали королевским. Вы написали то, что написал бы любой честный офицер. Убили вашего брата не ваши слова. Их убила чужая ложь, запечатанная чужой рукой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.